

Секция XII.

Фонетика, фонология и орфография

О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи

О. В. Антонова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Старомосковское произношение, орфоэпические варианты

Summary. Most scientists supposed that the reflexes of the old-Moscow pronunciation are outdated or common occurrences in the Russian modern sound speech. But this work suggests a somewhat different point of view on the subject being discussed. Particular qualities of the old-Moscow pronunciation exist in the modern spontaneous speech of Moscovites nowadays. In this research the data from modern pronunciation and transcriptions by Russian linguists and the records of sound speech were used.

В современной лингвистике существует мнение, согласно которому в конце XIX – начале XX столетий московский говор оформился в особую фонетическую систему, ныне называемую старомосковским наречием или старомосковским говором. Эта система произношения функционировала в среде коренной московской интеллигенции (однако не исключена вероятность того, что по-старомосковски говорили также и в купеческой, духовной, разночинной среде и пр.). Бесспорным произносительным эталоном ее являлась театральная орфоэпия, базировавшаяся на традициях московского Малого драматического театра. Старомосковский говор, ставший фундаментом для формирования орфоэпических норм современного русского литературного языка, имел свои характерные особенности в области произношения гласных и согласных звуков и их сочетаний, а также в звуковом оформлении отдельных грамматических форм.

С середины XX в. принято считать, что многие орфоэпические варианты, восходящие к старомосковской традиции, в настоящее время надо расценивать либо как уже полностью устарелые, либо как просторечные. Наблюдения автора над звучащей речью окружающих москвичей разного возраста позволяют прийти к выводу, что степень архаичности некоторых старомосковских вариантов и их функциональная нагрузка в системе современного произношения оцениваются не всегда правильно. Отличительные черты старомосковской орфоэпической системы по-прежнему проявляются в спонтанной речи литературно говорящих молодых москвичей с различной степенью частотности, достаточной, однако, для того, чтобы признавать отдельные старомосковские орфоэпические варианты не архаичными или просторечными, а допустимыми в современном литературном языке.

В качестве примера можно привести произношение молодыми москвичами безударных флексий глаголов II спряжения 3 лица мн. числа со свойственным старой московской норме звуком [у]. Результаты проведенных экспериментов позволяют утверждать, что старомосковские произносительные варианты в данных глагольных формах проявляются в следующих позициях (позиции перечислены в порядке уменьшения степени их влияния): в возвратной форме глагола: испытываемые скорее склонны были произносить [тáш'уцэ] (*тáшцатся*), чем [тáш'ут] (*тáшцат*); [нóс'уцэ] (*нóсятся*), чем [нóс'ут] (*нóсят*); после мягкого согласного: [пэхá'рón'ут] (*пóхоронят*), [крáс'уцэ] (*крáсятся*); после переднеязычного согласного звука: [прóс'ут] (*прóсят*), [в'íd'ут] (*видят*), [смóтр'ут] (*смóтрят*); после губно-зубного согласного: [лóв'ут] (*лóвят*), [гá'тóв'ут] (*готóвят*); после губно-губного согласного ([л'úb'ут] (*лóбят*), [гá'лúb'ут] (*голúbят*), [г'э'рп'ут] (*тэ'рпят*)); позиция безударной флексии глагола II спр. 3 лица мн. ч. после гласного звука [и] ([пá'стрóиут] (*пóстрóят*), [стóиут] (*стóбят*)).

Произношение согласных [шн] / [шн'] на месте орфографического сочетания *чи* (согласно старшей норме) в речи современного молодого поколения москвичей встречается

довольно последовательно, напр.: *було*[шн]ая, *загáдо*[шн]ый, *подсвé*[шн']ик и пр. Очевидно, что в некоторых случаях старомосковский произносительный вариант «консервируется» (в первую очередь в словах, входящих в состав фразеологических оборотов, напр.: *друг сердé*[шн]ый).

Различные сочетания согласных с последующим мягким могут произноситься таким образом: согласно «старшей» норме (мягкий перед мягким), согласно «младшей» норме (твердый перед мягким), а в некоторых случаях допустимо вариантное произношение. В речи литературно говорящих представителей «младшей» нормы достаточно часто встречаются старомосковские (мягкие: *че*[р']вь, *ве*[р']фь) варианты. Значит, вновь реальное положение вещей противоречит рекомендациям современных лингвистов.

Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к проблеме звукового оформления возвратного постфикса *-ся / -сь* в русском литературном языке на рубеже XIX–XX столетий, утверждали, что нормативным является его произношение с твердым согласным. Также большинство исследователей придерживается мнения, что в течение XX века «твердый» вариант произношения в речи литературно говорящих москвичей сменился «мягким» почти во всех фонетических позициях. Однако подробный анализ различных источников позволяет усомниться в однозначности подобного суждения. Исходя из полученных сведений, можно с большой долей уверенности утверждать – «мягкая» реализация возвратного постфикса у глаголов была возможна и достаточно частотна в старомосковском говоре (несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось «твердому» варианту). Взаимозаменяемость «твердого» и «мягкого» вариантов у глаголов отразилась и на судьбе деепричастий с ударением на последнем слоге, где также было возможно произношение частицы и с твердым, и с мягким согласным (хотя нормативным считалось «мягкое» произношение). Интересно проследить, каково состояние процесса замены твердой реализации возвратного постфикса «мягким» вариантом на сегодняшний день, то есть в начале XXI века. С целью выявить частотность распределения орфоэпических вариантов был подвергнут аудиторскому анализу массив записей телевизионной речи (в основном на материале новостных программ и ток-шоу). Также были включены в исследование зафиксированные факты спонтанной речи москвичей. Результаты показали, что реализация возвратного постфикса с мягким согласным в современном литературном языке практически вытеснила старомосковский вариант, за исключением только позиции после [л] (*стрéмил*[сэ], *жéнил*[сэ]), где твердость все еще поддерживается прогрессивной ассимиляцией. Однако и в этой форме возвратный постфикс все чаще произносится мягко.

Итак, следует признать, что сложившееся представление о старомосковской системе произношения как о давно ушедшем явлении не соответствует действительности. В современной живой звучащей речи можно наблюдать множество рефлексов старой московской нормы.

Экспериментальное исследование восприятия звуков на месте фонемы /j/

Е. Л. Арзиани

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Русская фонетика, восприятие звуков

Summary. This paper considers the results of experimental-phonetic investigation of aural perception of the sounds which are the realization of the phoneme /j/ by native speakers of the Russian language.

Изучение вопроса о реализации фонемы /j/ в спонтанной речи носителей русского литературного языка показало, что в 86% из 4800 проанализированных словоупотреблений можно достоверно определить, какой звук произносился – [j], [й] или нуль звука. Однако в 14% случаев представлялось затруднительным определить, какой конкретно звук был произнесен (материал был проанализирован на слух и по осциллограммам с помощью компьютерной программы PRAAT). В связи с этим было принято решение провести эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ носителями русского литературного языка.

Было подобрано 20 минимальных пар слов, различающихся только наличием или отсутствием фонемы /j/, причем четыре слова были созданы искусственно. Рассматривались следующие позиции:

1) после гласного перед согласным: *ба́йки* и *ба́ки*, *кра́йне* и *кра́не*, *ле́йте* и *ле́те*, *незна́йки* и *не зна́ки*, *пе́йте* и *Пе́те*, *ре́йки* и *ре́ки*, *со́йки* и *со́ки*, *сто́йки* и *сто́ки*.

2) в конце слова после гласного: *взду́тый* и *взду́ты*, *сла́бый* и *сла́бы*, *сбы́тый* и *сбы́ты*.

3) после согласного перед гласным: а) *крупье́* и *крупё́*, *сесть* и *сесть*; б) *гостья́* и *гостя́*, *лека́рья* и *лекаря́*, *ло́сья* и *ло́ся*, *нена́стья* и *не На́стя*, *оле́нья* и *оле́ня*; в) *коша́тью* и *коша́ту*, *ло́сью* и *ло́сю*, *хму́рю* и *хму́рю*.

Также было взято шесть непарных слов: *абитуриэ́нт*, *аудиэ́нция*, *гиэ́нна*, *диэ́та*, *ингредиэ́нт*, *риэ́стр*.

Эти слова были четко произнесены диктором так, чтобы не оставалось сомнения в том, какое именно слово было произнесено. Непарные слова были произнесены дважды с [j] и с нулем звука на месте фонемы /j/: *абитур[и]э́нт* и *абитур[и]э́нт*, *ауд[и]э́нция* и *ауд[и]э́нция*, *э[и]э́нна* и *э[и]э́нна*, *д[и]э́та* и *д[и]э́та*, *ингред[и]э́нт* и *ингред[и]э́нт*, *р[и]э́стр* и *р[и]э́стр*.

Целью предпринятого исследования было создание методики определения способа реализации фонемы /j/ в конкретных словах. Проблема состоит в том, что в реальной речи слова произносятся при разном темпе, что делает невозможным учет абсолютной длительности произнесения. Следовательно, требуется не просто измерить абсолютную длительность звука, при которой носитель русского литературного языка воспринимает слово как произнесенное с [j], [й] или с нулем звука, а, переведя абсолютную длительность звуков в процентные соотношения, изменить исходное соотношение звуков, создав при этом пять градаций каждого слова (два слова – исходные и три, созданные путем модификации соотношения звуков в исходных файлах). Чтобы получить данные о том, при каком соотношении звуков слово воспринимается как произнесенное с [j], [й] или с нулем звука,

аудиторы должны были прослушать как исходные, так и вновь созданные слова. Изменение процентного соотношения производилось с помощью компьютерной программы Sound Forge.

Анкеты с примерами были розданы аудиторам: 12 специалистам-фонетистам и 27 другим носителям русского литературного языка. Примеры, расположенные в случайном порядке, были прослушаны аудитором, которые должны были на слух определить, какое именно слово было произнесено – с [j], [й] или с нулем звука на месте фонемы /j/. У них также была возможность ответить «не могу определить». Каждый пример повторялся три раза. С целью получения статистически достоверных результатов эксперимент был повторен через несколько дней. Результаты первого и повторного этапов эксперимента были обработаны совместно.

По результатам эксперимента все слова можно разделить на две группы.

1. Аудиторы уверенно различают все 5 градаций, то есть более 75% аудиторов склонились к тому или иному варианту, определяя, было ли произнесено слово с [j], [й] или с нулем звука.

2. Имеется зона неопределенности.

2.1. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 3, 4, 5. Градация 2 находится в зоне неопределенности (то есть аудиторы сомневались в том, какое именно слово слышат и отвечали: «не могу определить» или мнения аудиторов расходились, и часть из них отвечала, что слово было произнесено без [j] или [й], а другая часть аудиторов приходила к противоположному мнению).

2.2. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 2, 4, 5. Градация 3 находится в зоне неопределенности.

2.3. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 4, 5. Градации 2, 3 находятся в зоне неопределенности.

2.4. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 2, 5. Градации 3, 4 находятся в зоне неопределенности.

2.5. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 5. Градации 2, 3, 4 находятся в зоне неопределенности.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что между словом, воспринимаемым как произнесенное с [j] или [й], и словом, воспринимаемым как произнесенное с нулем звука на месте фонемы /j/, практически всегда есть зона неразличения.

Чтобы в случае сомнения определять, произнесено ли слово с [j], [й] или с нулем звука на месте фонемы /j/, нужно перевести абсолютные длительности исследуемых звуков в их процентные соотношения и сравнить с данными, полученными в ходе эксперимента.

Эстетическая функция инофона в звучащей русской речи (на примере к / ф «Собака Баскервилей»)

М. А. Балдова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Инофон, гетеростереотип, семантический анализ, коммуникативный уровень

Настоящий доклад посвящен анализу одного из аспектов эстетической функции инофона в звучащей русской речи. Данное исследование выполнено в рамках семантического анализа коммуникативного уровня русского языка, мы будем опираться на понятия и инварианты средств, описанные в работах М. Г. Безяевой.

Под **инофоном** мы понимаем комплекс средств, служащих для идентификации говорящего в качестве представителя той или иной нации (англичанин или американец). Под **эстетической функцией средств языка** мы понимаем их роль в создании художественных образов.

Средства инофона можно разделить на 2 группы: акцент и коммуникативная стратегия актера (значимый отбор русских коммуникативных средств, помогающих воплотить в образе стереотип англичанина или американца). В настоящем докладе мы остановимся на анализе коммуникативных средств русского языка.

Важно отметить, что коммуникативное поведение актера в образе англичанина будет разительно отличаться от коммуникативного поведения американца. Это связано, в первую очередь, с разным восприятием этих наций русскими и может быть объяснено с помощью таких понятий как **наци-**

ональный характер, стереотип, автостереотип (представление народа о самом себе) и **гетеростереотип** (представление народа о другом народе). Так, гетеростереотип англичан включает в себя такие черты, как сдержанность, холодность, чопорность, вежливость, неэмоциональность; стереотип же американца будет практически полной противоположностью: открытость, эмоциональность, развязность, глупость, примитивность.

Несмотря на то, что англичане и американцы говорят на одном языке, перед нами вырисовываются два совершенно разных национальных характера. На гетеростереотип англичанина язык оказывает существенное влияние (например, в английском языке – в обоих территориальных вариантах – широко представлены средства, выражающие формальную вежливость, поддерживающие дистанцию между собеседниками, при этом есть установка на сдержанность в выражении эмоций). Соответственно, при эстетической реализации стереотипа англичанина актер, играющий англичанина, будет строить свою речь по коммуникативной стратегии англичан, которую задает английский язык. При изображении американца, на первый план выходит сам гетеростереотип, именно он задает коммуникативную стратегию актера, отсюда возникает столь разительный контраст между речью «англичанина» и «американца».

Коммуникативная стратегия активно работает в русских экранизациях английских произведений, в переводных английских фильмах и даже при экранизации произведений русской классической литературы.

Остановимся на к / ф «Собака Баскервилей». Этот фильм очень интересен тем, что в нем сталкиваются две культуры: английская, в лице Холмса, Ватсона, Мортимера, миссис Хадсон, и американская, которую представляет сэр Генри Баскервиль. Английская неэмоциональность подчеркивается каскадом эмоций у сэра Генри. В фильме с помощью инфона показана **эволюция характера** сэра Генри: англичане символизируют собой норму поведения в английском обществе, Баскервиль же сначала отклоняется от нормы, но потом под влиянием обстоятельств начинает вести себя соответственно кодексу поведения англичан, отраженном в стереотипе. Такое значимое изменение поведения ярко представлено в коммуникативной стратегии.

Главные параметры стереотипа англичанина, такие как сдержанность, чопорность, вежливость, закрытая эмоция, находят свое воплощение в следующих средствах:

- медленная речь;
- разбиение текста на равные синтагмы;
- сдвиг центра ИК в конец синтагмы (сходство с мелодикой английской речи);
- высокий регистр общения, который создается как при помощи лексического содержания, так и при помощи фоне-

тических средств: ИК-1 (нейтральный ввод информации) ИК-4 (параметр соотношения, дистанцированность), отодвинутые назад гласные, низкий фонетический регистр;

- использование таких средств сегментного уровня языка, как назализация, удлинение гласных, открытое а, отсутствие редукации;
- предельная минимизация имплицитных средств, служащих для выражения эмоций;
- комплекс средств, служащих для выражения формальной вежливости: это, в первую очередь, лексическое наполнение высказывания, взаимодействующие с фонетическими средствами (ИК-1, ИК-3 – ориентированность на мнение слушающего), коммуникативные средства;
- минимальное использование таких коммуникативных единиц, как междометия и частицы.

Образ же американца, напротив, создается с помощью диаметрально противоположных средств. Актеры реализуют установку на открытую, ярко выраженную эмоцию, причем образ американца раскрывается именно в контрасте с англичанином:

- постоянное использование междометий (на фоне практически полного отсутствия таковых у англичан);
- ИК-7, ИК-5, ИК-3, ИК-6; начальное и постпозитивное а;
- быстрый темп речи; нечеткая артикуляция;
- смех (*хе-хе-хе, хи-хи, хххх, хи-хи-хи*);
- высокий фонетический регистр.

Перерождение сэра Генри происходит постепенно, не вдруг. Сначала он подражает дворецкому Бэрримору, чтобы не казаться ниже своего слуги, потом, желая произвести впечатление на любимую девушку, но это подражание становится частью его самого и он, под влиянием внешних обстоятельств, Ватсона, Бэрримора и всех остальных, сам становится англичанином. Актер плавно переходит от одной коммуникативной стратегии к другой. Появляются ИК-4 и ИК-6, меньше используются, а затем практически полностью исчезают междометия, замедляется темп речи. Если ИК-3 в начале фильма показывает искреннюю заинтересованность Генри, его непосредственное внимание к собеседнику, то к концу становится показателем формальной вежливости, столь присущего стереотипу англичан.

Надо сказать, что сама оппозиция англичане / американец Генри, заданная в фильме, позволяет не только Баскервиллю раскрыться на фоне англичан, но и благодаря этому ярче проявляются английские черты, присущие Ватсону, Бэрримору, Мортимеру, а потом и самому сэру Генри. Важно именно игра в ансамбле. У Генри самого по себе и у Мортимера самого по себе не будут так ярко выделяться национальный характер, но как только они оказываются вместе, типично английские черты начинают сиять всеми красками.

Двухуровневая фонологическая система русского языка и особенности ее усвоения иностранной аудиторией

Г. М. Богомазов

Московский городской педагогический университет

Фонология, возрастная, двухуровневая система, порождение речи, восприятие речи

Summary. Two ways to acquire two-level phonological system of Russian language by adult foreign audience (people):
– non tradition teaching methods (natural way of ontogenesis, as Russian children);
– traditional teaching methods (at first higher level acquiring, and then – lower level).

Возрастная фонология устанавливает основные этапы усвоения двухуровневой фонологической системы носителем русского языка. На различных этапах усвоения фонетической системы русского языка у ребенка обнаруживается несовпадение его возможностей при восприятии речи окружающих и в его репродуктивной речи. Фонологический слух ребенка в определенной мере опережает речевые возможности ребенка. При этом фонемы, обеспечивающие процессы восприятия речи ребенка, сходны с фонемами щербовской фонологии. Фонемы, обеспечивающие процессы собственной речи ребенка, носят синкретичный характер, что может выражаться в неразличении, например, фонем «л» и «р»; «б» и «в», и по степени абстракции напоминают гиперфонемы МФШ. С развитием абстрактного мышления ребенка – и это находит отражение в его речи – раз-

личия между фонологическими системами говорящего и слушающего становятся все более последовательными. Процесс размежевания указанных систем ускоряется в результате знакомства ребенка с письменными формами речи. Следует подчеркнуть, что система фонем, связанная с процессами восприятия речи, является базовой. Над ней постепенно надстраивается система фонем более абстрактных по своей природе, которая отвечает за процессы порождения речи и отражения ее на письме. Вероятно, эта система фонем сходна с фонемами в понимании представителей МФШ. Таким образом, суть процесса развития фонологической системы у ребенка, овладевающего в полной мере русским языком, определяется постепенным формированием и совершенствованием у него двухуровневой фонологической системы, нижний уровень которой обеспечивает процессы

восприятия речи, а верхний – процессы порождения речи и отражения его в письменной форме.

Понимание глубинной связи между становлением и развитием двухуровневой фонологической системы в ее психолингвистическом освещении и адаптивными процессами человеческого организма позволило сформулировать основы нового направления в фонологии, а именно возрастной фонологии, которая является частью возрастной фонетики. Последняя определяется нами следующим образом: «Возрастная фонетика – это иерархизированная наука с четкой последовательностью в ее структуре функциональных уровней. Каждый функциональный уровень системы, порядок которых жестко детерминирован конкретными материальными структурами мозга, имеет специфические фонетические (перцептивные и артикуляторные) средства, специфические фонологические единицы и специфические механизмы перцепции и порождения речи» (Винарская Е. Н., Богомазов Г. М. Возрастная фонетика // Вестник Минского гос. ун-та. Сер. 1. Филология. 2002. № 9. С. 92).

Именно такой подход позволил рассматривать различие в характеристиках общих, групповых и индивидуальных фонологических моделей носителей русского языка с точки зрения их сформированности, устойчивости и эффективности функционирования подсистем согласных и гласных, что лишней раз подчеркивает психолингвистическую природу групповых и индивидуальных фонологических моделей.

Исходя из основных представлений возрастной фонологии, удалось рассмотреть основные этапы становления двухуровневой фонологической системы в языковом сознании учащихся на фоне процесса перехода от детства к отрочеству, связать выделенные этапы с развитием различных типов мышления ребенка.

Переход от детства к отрочеству связан с тремя параллельно развивающимися процессами. С одной стороны, ребенок переходит от использования в речевой практике одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. С другой стороны, от предметно-операционного способа мышления (классификационного по своей природе) подросток переходит к формально-операционному, абстрактному мышлению.

Наконец, изменяются способы общения. В детстве преобладают эмоциональные формы общения, которые в основном обеспечиваются паралингвистическими средствами русского языка, заключенными в звуковом строе, интонации и ритмической организации речи. Эти формы воздействуют прежде всего на подсознание ребенка.

При переходе к отрочеству все большую роль играют интеллектуальные формы общения, которые обеспечивают лингвистическими ресурсами русского языка. Речь под-

ростка становится все менее зависимой от конкретной ситуации.

Все это в свою очередь позволило преодолеть некоторые недостатки классической фонологии с точки зрения общей систематологии, в частности, расширить представления о взаимодействии фонологической системы (в ее психолингвистическом понимании) с внешней (прежде всего в широком понимании социальной) средой. Именно такое понимание организационного устройства фонологической системы позволило подчеркнуть ее адаптивный (самонастраивающийся) и динамический характер.

Признавая, что язык может осваиваться различными путями, автор считает, что и фонологическая система, обеспечивающая этот процесс, может принимать различные формы и развиваться в разных направлениях. Так, дети, для которых русский язык является родным, усваивают двухуровневую фонологическую в одном порядке: над фонологической системой в понимании щербовской фонологии постепенно надстраивается система фонем более абстрактных (фонемы в понимании МФШ). Взрослые иностранцы, изучающие русский язык с помощью письменных источников, по нашему мнению, осваивают двухуровневую фонологическую систему в обратном порядке: сначала у иностранца формируется система абстрактных фонем, т. е. фонем МФШ, а далее постепенно над этой абстрактной системой фонем надстраивается другая система, состоящая из фонем щербовской фонологии. И тогда оба уровня начинают выполнять разные функции. Верхний уровень фонем (фонем МФШ) ориентирован на процессы восприятия неродной речи, а нижний уровень принимает участие в процессах порождения речи на неродном языке. Этим можно объяснить значительные затруднения у иностранцев, изучающих русский язык, при восприятии устной речи носителей русского языка. Автор пришел к такому выводу на основе многолетнего опыта преподавания русского языка в нерусской аудитории и при обобщении опыта своих коллег.

Однако следует признать, что при нетрадиционных методах обучения иностранному языку взрослых, когда восприятие неродной речи является основой обучения, возможно и повторение пути усвоения двухуровневой фонологической системы, который проходит русский ребенок. Так, метод, в основе которого лежит интегративный лингво-психологический тренинг (ИЛПТ), позволяет повторить естественный путь развития речи в онтогенезе взрослыми обучающимися. Этот метод дает возможность быстрее и качественнее усвоить двухуровневую фонологическую систему русского языка иностранной аудиторией (Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004).

О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики

Е. М. Большечева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фонетическая сторона языковой картины мира, буква, звукотип, фонема, морф

Summary. Linguistic world picture includes naive vision of language. Being formed in childhood images of phonetic structure of language influence linguistic theories.

Языковая картина мира включает наивные представления о языке, в том числе и о его фонетическом устройстве. Буквы – неотъемлемая часть языковой картины мира. Они проникают в наше сознание в раннем возрасте и формируют алгоритм приоритета (или презумпции) буквы, который потом оказывает влияние на некоторые лингвистические решения. Феномен приоритета буквы как конкретной сущности над всем идеальным, умозрачительным то и дело прорывается, несмотря на профессиональную подготовку и годы занятий фонетикой и фонологией, потому что представления, относящиеся к языковой картине мира, трудно корректировать. Мы накладываем уже существующую в сознании модель на то, чем в данный момент профессионально занимаемся, и не замечаем теоретических несостыковок, связанных с вторжением наивных представлений о языке, свойственных коллективному «я», в научные теории.

Так, например, сам механизм фонемного транскрибирования по МФШ таит в себе ряд противоречий. Фонема иден-

тифицируется в пределах морфа – таково жесткое требование, всеми разделяемое и не подвергающееся сомнению на уровне абстрактного правила. Насколько четко мы на самом деле ему следуем, когда делаем транскрипцию? Как проверить слова *дорогой, молоко, вожделение*? Ответ рождается молниеносно: *дороже, молочный, водит*. Морфы подменены, но на такую вольность принято не обращать внимания. В случаях же с *широкий – ширь, водичка – воды, зеленый – зелень* подчас не замечается даже сама вольность: идентичность буквенного представления корня рождает иллюзию абсолютной корректности проверки. Мы исходим из интуитивного представления о том, что морфы отличаются только чередующимися фонемами. Нам кажется, что в *дорог-* и *дорож-* первые четыре фонемы совпадают – отличаются лишь финальные *г / ж*. Возможно, что это и так, хотя ударным [о] будет только перед [ж], но не перед [г]. Тезис о поэлементном совпадении морфов требует специального обсуждения, которое не приводится ни в одном учебнике по фонетике.

Подобное молчание симптоматично. В первом классе мы учились выбирать правильную букву для записи слова. Процедура проверки буквы, как известно, предполагает возможность замены одного морфа другим. Так формируется и закрепляется в коллективном сознании представление об идентичности тех элементов морфов, которые пишутся одинаково. Это представление становится фактом языковой картины мира любого русского человека, в том числе и того лингвиста, который пишет учебник по фонетике или учит студентов азам фонологической транскрипции. Нам трудно сомневаться в том, что кажется само собой разумеющимся.

Тем не менее проблема фонемного соотношения морфов требует специального осмысления. Как, например, следует поступить с *шептал*? Какая фонема следует после <ш> – <э> в соответствии с *шепчет* (морф отличается конечным чедованием <т / ч>) или <о> в соответствии с *шепот* (морф сохраняет финальную <т>, зато появляется «лишняя» гласная)? И совсем непросто в этой связи решить вопрос о фонемном статусе [п]. Если проверять «беглой» гласной, то докажем наличие <п>. Отвергая подобную проверку, будем вынуждены признать гиперфонему <п / п' / б / б'>. Последнее решение принимать не хочется. Однако если всегда апеллировать к морфам с «проясненными» гласными, то в *актрисе* будет мягкая <т'> (*актер*), в *помнишь* – мягкая <м'> (*запоминашь*), в *отца* – мягкая <т'> (*отец*), а в *голодный* – мягкая <д'> (*голоден* ближе, чем *голод*, хотя неизвестно, следует ли учитывать словообразовательный фактор). И будет ли проверка *ставит* к примеру *ставлю* считаться, во-первых, адекватной, а во-вторых, идентичной приведенным выше решениям?

С аффиксами ситуация оказывается ничуть не проще. Можно ли дееспричастный суффикс *-виш-* (*скрутившись*) проверять, с одной стороны, с помощью *в* (*скрутив*), а с другой – с помощью *ши* (*опершись*)? Правомерно ли соотносить окончание *-ами* (*карандашами*) с ударным *-ми* (*дверьми*)? Допустимо ли доказывать фонему <а> в суффиксе *-ыва-* (*переписывать*) ударными *-ва-* (*засевать*) или *-а-* (*вычищать*)? И почему подмена *-сь* (*умывалась*) на *-ся* (*умывался*) и *-ть* (*читает*) на *-ти* (*идти*) «узаконена» и описывается как правомерная в отличие от остальных случаев? Все эти и многие другие вопросы еще только ждут своего разрешения.

Еще один пример теоретических нестыковок. Во многих учебниках по фонетике есть глава об изменении звуков в потоке речи. Иногда таковые классифицируются на комбинаторные и позиционные, потом подробно рассматриваются явления редукции, ассимиляции, аккомодации, диссимиляции и т. д. Обычный и знакомый перечень тем. Но чтобы констатировать факт изменения звука в потоке речи, надо этот звук с чем-то сравнить! С чем? Этот вопрос нигде не ставится и не обсуждается, все исходит из представления, что и так ясно. С чем сравнивать [ч'] в *подсчитать*? Сомнений не возникает – с [д], т. е. с основным представителем фонемы. Констатируется факт ассимиляции по глухости, мягкости, месту и способу. А с чем надо сравнивать [у] в просторечном *тубуретка* (вместо *табуретка*), реализующем возможность межслоговой ассимиляции гласных? С основным представителем фонемы не получится: там гиперфонема. Можно сравнить с [ъ] – но тогда логика рассуждений будет постоянно «сбоить». Хочется почему-то и с

а сравнить. Вот только с каким *а* и откуда он там взялся, во втором предударном слоге?!

Чтобы оправдать интуитивно подсказываемое *а*, надо разобраться, что и с чем мы сравниваем, когда констатируем факт редукции. Пример хрестоматийный – *в[а]да*. Принято говорить, что звук [а] представляет собой результат качественной редукции [о]. Так ли это? Ослабление силы напряжения артикулирующих органов не превратит гласный среднего подъема в гласный, подъем которого ниже. Чтобы из [о] получить [а], надо апеллировать к языковому правилу замены одного звукотипа на другой. Закон чередования звукотипов и распределения их по безударным слогам не имеет отношения к механизму редукции: он действует как абстрактное правило-формула. Именно в соответствии с этим правилом мы и можем утверждать наличие в примере *табуретка* звукотипа [а] (который заменяется на звукотип [у] в результате действия закона ассимиляции).

Механизм редукции определяет, каким именно звуком будет реализован тот или иной звукотип. Так, количественные и качественные изменения приведут к тому, что звукотип [а] в первом предударном слоге в слове *вода* будет реализован не эталонным представителем (т. е. ударным [á]), а звуком не совсем нижнего подъема – иногда его обозначают как [a^н]. В *табуретка* звукотип [а] стоит во втором предударном слоге и в результате редукции будет представлен звуком [ъ].

Под звукотипом понимается звук-эталон, существование которого в языке осознается не профессиональными лингвистами, а его рядовыми носителями. Важный показатель наличия звукотипа – способность произнести его изолированно. Так, в русском языке всего шесть звукотипов гласных: [и], [ы], [у], [э], [о], [а].

Представления о звукотипах, свойственные данному языковому коллективу, формируются благодаря некоторым факторам. Наличие смысловозначительных оппозиций – фактор собственно языковой и безусловно главенствующий. Однако значимой представляется и ситуация знакомства с буквами в раннем возрасте. Буквы *ы, и, э* «удачно» называются – в один звук. Формируется не только навык изолированного произношения этих звуков, но и представление о самом их наличии: ведь для обозначения этих сущностей есть осязаемый объект – буква. С *е* сложнее. Она называется в два звука. Навык изолированного произношения закрытого [е] не формируется (в отличие от [ы]), и мы не можем продуцировать оппозицию [э] / [е] (в отличие от [ы] / [и]). Как эталон в сознании закрепляется [э], чему, возможно, помогают и просторечные названия букв, с которыми знакомит малыша мама: [мэ], [пэ], [рэ], [сэ]... Усвоенные слоги не будут встречаться в словах (или будут, но в словах маркированных), но они уже усвоены как отдельные сущности. И если интуитивные ощущения носителя языка однозначны и лишены колебаний, то лингвистика предлагает противоположные друг другу теории о сильных / слабых позициях перед *е / э* (перед буквой или звуком, кстати?!), и противоположные решения о том, какой гласный является звукотипом – закрытый [е] или открытый [э].

Перечисленный круг проблем – лишь небольшая часть из тех вопросов, которые еще только предстоит выявить и систематизировать в ходе работы по описанию фонетической стороны языковой картины мира.

Сравнительное исследование акустической картины русских гласных в прикладном аспекте

Т. И. Голощапова

Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Москва

Идентификация по голосу, шумоочистка, автоматическое распознавание

Актуальной проблемой прикладного речеведения в течение многих лет остается поиск наиболее устойчивых речевых признаков с целью создания автоматических систем распознавания речи. Потребности сегодняшнего дня базируются на необходимости разработки систем, способных анализировать звучащую речь, записанную в сложных акустических условиях. Под сложными акустическими условиями понимаются не только иные акустические сигналы, накладывающиеся на полезный речевой сигнал, если звукозапись осуществляется в реальных обстоятельствах, но и характеристики звукозаписывающих устройств и особые состояния индивида, которые определяют его речевую деятельность. Каждый из этих факторов по-разному влияет на спектральную картину речевого сигнала, но, как показывают эксперименты по поиску идентификационных признаков на фонограммах, записанных в сложных акустических условиях,

дывающиеся на полезный речевой сигнал, если звукозапись осуществляется в реальных обстоятельствах, но и характеристики звукозаписывающих устройств и особые состояния индивида, которые определяют его речевую деятельность. Каждый из этих факторов по-разному влияет на спектральную картину речевого сигнала, но, как показывают эксперименты по поиску идентификационных признаков на фонограммах, записанных в сложных акустических условиях,

спектральная картина русских гласных в наименьшей степени подвержена изменению под влиянием экстралингвистических факторов звукозаписи.

Известно, что посторонние шумы и помехи разной природы существенно влияют на структуру сигнала, затрудняют выделение частотных составляющих, т. к. в основном спектральные составляющие помех накладываются на спектральные составляющие речи. На сегодняшний день созданы аппаратные средства, которые помогают восстановить содержание разговора, записанного в условиях шумов и помех. Но для судебных органов важно не только то, что говорили, но и кто говорил. В большинстве случаев необходима именно идентификация дикторов, атрибуция реплик. Для проведения достоверной идентификации нужно иметь сигнал хорошего качества. Каково качество сигнала, прошедшего через средства шумоочистки? Этот вопрос до последнего времени не исследовался и при создании указанных средств шумоочистки не учитывался, так как основной проблемой разработчиков этих аппаратов было увеличение разборчивости речи. В результате созданы аппаратно-программные комплексы, которые позволяют существенно улучшать разборчивость речи, но в большинстве случаев речь, прошедшая через средства шумоочистки, оказывается ограничено пригодна для идентификационных исследований (появление «музыкальных» шумов, ограничение частотного диапазона и пр.).

Анализ основных акустических характеристик речевого сигнала, наиболее часто используемых при идентификации личности говорящего, показал, что наличие в фонограмме помеховой составляющей может приводить к искажению этих характеристик в результате проведения шумоочистки. Так, при соотношении сигнал / шум 15 дБ и более, процесс шумоочистки оказывает незначительное влияние на частотные характеристики речи. Отмеченные в этом случае флуктуации резонансных частот речевого тракта могут быть отнесены за счет, в основном, естественной вариативности речи. В то же время в отношении частоты основного тона такое утверждение нельзя признать справедливым. Как показали результаты анализа этого параметра речевого потока, искажения, вносимые в процессе шумоочистки, в этом случае выходят за рамки естественных флуктуаций. Данный факт может быть обусловлен большой интенсивностью помехового сигнала в низкочастотном диапазоне, что, в свою очередь, приводит к снижению отношения сигнал / шум в этой области и, как следствие, к появлению ошибок в определении частоты основного тона. В этом случае аддитивная смесь сигнал-помеха после шумоочистки приобретает свойства мультипликативной смеси. Подобный эффект наблюдается на всем частотном диапазоне речи при уменьшении соотношения сигнал-шум до 7 дБ. В этом случае отмечаются искажения формантных максимумов спектра, величина которых выходит за рамки естественной вариативности. Таким образом, можно сделать вывод, что при снижении соотношения сигнал-шум до уровня 7 дБ, в результате проведе-

ния шумоочистки, аддитивный шум, смешанный с полезным речевым сигналом, приобретает свойства, характерные для мультипликативной смеси, что и приводит к отмеченным искажениям основных частотных характеристик речи.

Переход от аналоговой записи к цифровой породил новые проблемы: применение различных алгоритмов сжатия в цифровых форматах приводит к искажению спектральной картины звучащей речи. С акустической точки зрения различение гласных и согласных может основываться на наличии формантной структуры у первых и отсутствии ее у вторых (применительно к согласным принято говорить о частотных локусах), на том, что гласные обладают большей спектральной энергией, чем согласные, а также на том, что гласные характеризуются наличием квазипериодических колебаний, а согласные – иррегулярных колебаний. Кроме того, согласные отличаются тем, что для их характеристики важное значение имеют спектрально-временные соотношения на переходных участках в сочетании с гласными звуками. «Слабые» согласные передаются в виде дискретных элементов, в то время как спектральная картина «энергетически» мощных гласных практически не подвергается изменениям.

Если внешнее воздействие (влияние помех и шумов) на речевой сигнал достаточно изучается прикладниками, то оценка особых состояний человека на речевое поведение и изменения артикуляционной базы, обусловленные этими состояниями, практически не описаны в литературных источниках. Понимание первопричин и сути подобных состояний человека, находящего под воздействием алкоголя и наркотиков, поможет эксперту корректировать ход идентификационного исследования, если в качестве объекта экспертизы будет выступать фонограмма лица, полученная в необычном для него состоянии. Анализ фонограмм, полученных от лиц, в течение длительного времени употребляющих наркотики, показывает, что в первую очередь разрушаются голосовые признаки, выполняющие функцию «узнаваемости». Гласные сохраняют соотношение спектральных компонент, что позволяет «опознать» их акустический портрет.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что активно развивающаяся в лингвистических исследованиях последних десятилетий когнитивная концепция экстраполирует основную функцию языка из области коммуникации, в область осознания личностью себя через речевое поведение. Феномен данного явления определяется прежде всего тем, что «речевой портрет» индивидуума, теоретически подверженный малым изменениям в темпоральном аспекте, под влиянием особых психофизиологических состояний сознания, может претерпевать существенные метаморфозы, а в некоторых случаях даже утрачивать свою «стабильность». При этом речевое поведение «языковой личности» может варьироваться не только в зависимости от коммуникативных условий, определяемых моделью построения коммуникативной стратегии, но и внешних деструктивных воздействий как одномоментных, так и долговременных.

Антиорфография в Рунете

О. В. Дедова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Summary. In this paper problems of Russian spelling on the Internet are discussed.

Появление и распространение Интернета – принципиально новой коммуникационной среды – с неизбежностью привело к определенным языковым сдвигам и инновациям. В ряде случаев эти явления столь масштабны, что, по мнению ряда ученых, формируются «язык Интернета», «киберязык» и пр. Хотя мы не можем безоговорочно принять данные термины, тем не менее сам факт их появления свидетельствует о существенности происходящих перемен. Одной из характерных черт языковой специфики Рунета (т. е. русскоязычного Интернета) стало возникновение особого письменного социолекта, по своим функциям сравнимого с жаргоном (поддержание групповой корпоративности; экспрессивность), – в сетевой коммуникации происходит сознательное и достаточно системное трансформирование правил русского письма. Новая система и ее «правила» становятся предметом обсуждения в многочисленных ин-

тернет-дискуссиях, что можно рассматривать как попытки кодификации графических дериваций (естественно, в пределах сетевого дискурса). Рунет уже выработал название этого явления – *антиорфография* (см., напр., [<http://www.inauka.ru/computer/article63782.html>]). Этот термин удачен и с лингвистической точки зрения, поскольку приставка «анти-» адекватно передает негативную деструктивную силу, заложенную в феномене преднамеренной сетевой неграмотности.

То, что в Рунете получило название «антиорфография», представляет разнородное и многоплановое явление. В нем отражены различные аспекты сложной иерархической системы русского письма. Как известно, А. Н. Гвоздев, В. Ф. Иванова и другие ученые выделяют два уровня этой системы (вероятно, не без влияния школьных грамматик) – графику и орфографию. Вместе с тем сдвиги, наблюдаемые

в Рунете, доказывают правомерность другого подхода к определению уровневой организации письма. Мы имеем виду концепцию И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей (Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндера), выделявших еще один структурный уровень – алфавит. Масштабный передел русского письма, происходящий в Сети, видоизменил, в том числе, и «полный сборник графем» (так Бодуэн де Куртенэ определял алфавит), что доказывает существенность этого параметра в обсуждении правил письма.

В состав графем, используемых для передачи звуковых единиц русской речи, последовательно вовлекаются знаки других систем: буквы латиницы и цифры, а также символы типа @, #, * и т. д. С точки зрения технологии это не имеет никакого смысла, так как проблемы кодировки русских шрифтов в настоящее время полностью решены. Использование привнесенных знаков может становиться самоценным, превращаться в специфическую игру с текстом – с его формой и со смыслом. Так, в Рунете существует некий проект, участникам которого предлагается создать литературное произведение, используя только латиницу, при этом сам текст должен выглядеть так, как если бы он был написан кириллицей [<http://www.tema.ru/rtr/ruslat/opera.html>]. Как изменение графического представления русского письма можно рассматривать и обретение знаками препинания новых функций (мы имеем в виду так называемые *смайлики*), хотя это явление не имеет четко выраженной национальной специфики.

Расширение состава используемых графем приводит к новым отношениям на уровне графики – уже сложились определенные правила функционирования «инновационных» графем. Так, цифра 6 может заменять букву *ш*, 4 – букву *ч*, 8 – *в* и т. д. Но «синонимия» графем не является полной, поскольку, по нашим наблюдениям, использование субститутов всегда маркировано и призвано выполнять определенные функции. Оно может фиксировать акцентное выделение (*Ты молодчина, знаешь 4ё всем надо*), передавать модальность (*А об этом Человеке я могу сказать вот бто*) или эмфазу (*4ёрт!!!*). Если пишущий немотивированно использует цифры или буквы латиницы в русском тексте, то тем самым он стремится отметить свою неповторимость, создать собственный идиостиль (*Где работа спдритс9, там и бутка 80дитс9"*, – *любит приг0зари8ать 8есельй мл04ник – балагур и 8ыдумщик, неут0мимый труженик, и мастер с80ег0 дела*).

В области орфографии происходящие сдвиги представляются наиболее существенными. Вначале общая тенденция изменений казалась достаточно очевидной. Считалось, что искаженные сетевые написания слов ориентированы на их реальное звучание. Действительно, в тексте интернет-сообщения последовательно фиксируются такие «слышимые» яв-

ления русской фонетики, как качественная редукция гласных, ассимиляция согласных и т. д. В графическом облике слова могут отражаться и более тонкие фонетические нюансы, например, аффрикатизация мягкого [т']: *погуляц* (погулять), *хоц, няц* (то, что аффрикатизация [д'] не передается, мы склонны объяснять отсутствием соответствующей графемы). Однако игра с графическим оформлением слов зачастую бывает более изощренной. То, что условно можно было бы назвать фонетическим принципом (который, как известно, существует и в пределах нормативного письма), не является единственным фактором, управляющим антиорфографическим написанием. В многочисленных графических деривациях можно наблюдать своеобразную реализацию принципа, который традиционно называется фонематическим. Игра с графической формой в данном случае основывается на том, что аллофон в позиции нейтрализации преднамеренно соотносится с «неправильной» фонемой. Причем, как и в случае орфографической нормы, те или иные морфемы получают устойчивое оформление. Так, конечный *-т* в глагольных формах наст. вр. последовательно заменяется на *-д*: *выбигаид*; постфикс *-ся*, где в пределах орфоэпической нормы звучит гласный непереднего ряда, пишется как *-со*: *появилсо* (написание нашло широкое распространение, несмотря на то, что оно не обозначает мягкость согласного) и т. д. Параллельно распространяются написания, которые нельзя соотносить ни со звучанием, ни с возможной интерпретацией фонемных нейтрализаций. Так, нашла широкое распространение мена букв, обозначающих парные звонкие / глухие согласные, в сильной позиции: *дфа, дазведанья*. Данное явление может быть сравнимо с так называемым традиционным принципом орфографии.

Сейчас в Рунете намечился новый этап в развитии антиорфографии, когда деформированный графический облик слова продуцирует появление лексического неологизма. Примером может служить пресловутый *Медвед*, который «со своим Преведом вышел из интернета в реальность» [<http://www.izvestia.ru/lpage/article3092421/>]. Но факты такого рода единичны, и антиорфография в целом остается ограниченной в сфере своего функционирования. Сегодня она является не более чем преднамеренной игрой в неграмотность, очередной интернет-забавой, смысл которой может быть адекватно воспринят только при условии владения нормой. Вместе с тем антиорфография как социальный и коммуникативный феномен таит в себе опасность непредсказуемых последствий, поскольку с неизбежностью влияет на массовые представления о норме. Эпоха Интернета – бесконтрольной письменной коммуникации с неограниченными возможностями – делает задачу стабилизации и кодификации русской орфографической системы актуальной, как никогда ранее.

Компрессия и ее связь с фонетическим и грамматическим строем языка

Л. В. Златоустова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Компрессия, грамматический строй языка, редукция, словосложение

Summary. The report is dedicated to the process of compression and means of compression in languages with different grammatical structures.

Развитие языков мира в последние десятилетия обладает общим свойством – компрессией. Этот феномен связан с социальными причинами: в первую очередь, с убыстрением темпа жизни, расширением сферы языковых контактов и рядом других социальных явлений. Вместе с тем, каждый язык осуществляет компрессию средствами, характерными для его грамматического строя, – его семантики, грамматики, лексики, фонетики.

В данной работе рассматриваются преимущественно процессы, специфичные для звучащей речи, и, прежде всего, обсуждаются особенности компрессии, наблюдаемые в русском языке. Отметим, что компрессии подвергаются те сегментные и суперсегментные единицы, семантическая нагрузка которых практически в современной речи либо отсутствует, либо выполняет функции другого уровня. Именно так обстоит дело с редуцированными гласными в рус-

ском языке, которые служат сохранению ритмической модели слова.

К началу XXI века звучащая литературная (в широком понимании данного термина) речь обнаруживает не только общее убыстрение темпа, но позволяет определить набор средств обсуждаемого эффекта. Для московской произносительной нормы (как и для всех среднерусских говоров) сократилось время редуцированных гласных слабых неударных позиций, особенно первого заударного неогласных и конечных в закрытом слоге. В положении между глухими согласными, особенно после длительных щелевых согласных [ш'] [ч'] [с] [с'], редуцированные оглушаются, кроме того, они часто частично или полностью «встраиваются» в артикуляцию согласного, реализуясь двумя или тремя формантами, т. е. один временной сегмент речевой цепи характеризуется дифференциальными признаками двух аллофо-

нов с утратой работы голосовых связок, что можно квалифицировать не только как способ убыстрения темпа, но и упреждения артикуляции.

Рассматриваемый процесс в последнее время затронул и «узкий» гласный первого предупредительного слога, являющийся по собственной длительности самым кратким гласным – [и], который, в связи с «икающей» нормой русской речи – частотный звук. Как правило, [и] встраивается в согласный не целиком, а на 2/3 длительности, например, в словоформах [пье'иш':áт'], [пье'ит'út'ьл'], [рьш':итáт'].

В современной речи редукации подвергаются и гласные верхнего подъема. В большей степени это касается [и], например: [с'ьликáтный], [ч'савóи] и др. Гласный аллофон [ы] редуцируется в первой заударной позиции: [óпът], [сúшьт].

В области консонантизма обращает на себя внимание оглушение сонантов не только после глухих согласных, что наблюдалось в первой половине XX века, но и их оглушение после гласных: [двор], [дв'ер'], т. е. сонант [р] оглушается как в варианте твердого, так и мягкого аллофонов. Наблюдается меньшая четкость артикуляции, что, вероятно, также связано с компрессией. Обнаружено также более резкое падение огибающей интенсивности в конце высказывания.

При организации речи в спонтанном варианте предпочтительными включениями в паузы хезитации являются краткие ненормативные слова, а также сорняки: *типа, блин, как бы*.

К вопросу о построении артикуляторных моделей «нейтральных» артикуляций в русском языке: МРТ-исследование вариантов артикуляционной преднастройки

Г. Е. Кедрова, Л. М. Захаров, Н. В. Анисимов, Ю. А. Пиров

Московский государственный университет им М. В. Ломоносова

Экспериментально-фонетическое исследование артикуляторных моделей русского языка, магнитно-резонансная томография, артикуляционная преднастройка

Summary. The MRI investigation of Russian vowels articulation inventory was realized upon original technology elaborated by the authors for real-time visualization of the speech articulation dynamics. One series of experiments dealt with articulation of the Russian sustained vowels and articulatory configurations of the vocal tract in-between periods of phonation, i. e. periods of provisional articulatory pre-adjustment. Experimental results demonstrated high correlation of the relevant parameters of Russian vowels with variations of anticipatory articulation during pausal periods.

На материале русского языка первые экспериментально-фонетические исследования так называемых «нейтральных» артикуляций, т. е. конфигураций речевого тракта в моменты пауз, соответствующих моментам молчания до, между и после моментов фонации, были проведены в СССР в 1970-е гг.; при этом использовался преимущественно метод кинорентгенографии. В частности, ведущий специалист в этой области Л. Г. Скалозуб, сопоставляя контуры линии языка на рентгенограммах, соответствующих нейтральным положениям артикуляторных органов в русском и некоторых других языках, обнаружила определенные системные различия, которые не позволяли трактовать их как явления, имеющие исключительно физиологическую природу. Так, она пишет: «Можно было ожидать, что контур нейтральной линии языка на схемах должен соответствовать конфигурации небного свода, и это могло быть общим для положения языка во время молчания в речевой ситуации для всех языков. Действительно... на всех сравниваемых схемах корень языка несколько оттянут назад, но формы и положения переднего, среднего и заднего участков спинки языка далеко не тождественны. И это говорит в пользу предположения, что функционирование звуковой системы определяет активность определенных артикуляций и находит некое усредненное статическое выражение в нейтральном положении или положении речевого покоя, которое в каждом языке приобретает в этой связи какие-то «собственные» признаки» [1]. Эти признаки Л. Г. Скалозуб предлагает считать физическими эквивалентами наиболее существенных параметров артикуляционной базы языка.

Отдавая должное пионерским исследованиям Л. Г. Скалозуб, мы полагаем, что нейтральные артикуляции не могут считаться достаточно информативными и достоверными в отношении определения физических параметров собственно артикуляторной базы языка, хотя и способны в первом приближении отражать какие-то самые общие ее характеристики. Как показывают исследования с использованием методов магнитно-резонансной томографии процесса речепроиз-

водства в разных языках, на положение и форму артикуляторных органов в моменты молчания до, между и после периодов фонации могут оказывать влияние самые разнообразные силы – не только собственно языковые факторы, а именно: непосредственно предшествующий паузе и следующий за ней фонетический контекст, но и некоторые экстралингвистические условия.

В области грамматики активно развивается словосложение как способ словообразования. Характерно, что словосложение расширяет свои позиции при словообразовании славянских и ряда групп как индоевропейских языков, так и языков типологически иных групп. Наиболее ярким примером может служить китайский язык, где на протяжении сравнительно короткого времени из однослогов сформировались двуслоги, трехслоги. Можно предположить, что причиной тому явился также глобальный в мире процесс убыстрения темпа жизни, влияние опосредованного контакта языков, развития современной техники, приведшей к заимствованию новых понятий с соответствующей терминологией. Способом словосложения в китайском служат, в первую очередь, специфические стыки фонологически значимых тонов, которые одновременно выполняют функцию интонационного оформления и формирования лексических единиц – двуслогов, трехслов.

В рамках языков индоевропейской группы представляет большой интерес компрессия за счет сжатия дифтонгов, а в ряде случаев – и их полного исчезновения, сокращение употребления артиклей, хотя в последнем случае необходимо учитывать жанровую принадлежность речевого произведения.

Практически все обозначенные особенности в разном объеме проявляют себя в зависимости от жанра и целевых установок речепроизводства.

Для проверки этой гипотезы на материале русского языка мы провели собственное экспериментально-фонетическое исследование т. н. позовых («нейтральных») артикуляций, которые соответствуют перерывам в звучании в разном фонетическом окружении. Основным методом исследования при этом был выбран метод магнитно-резонансной томографии (МРТ). На первом этапе экспериментально-фонетического исследования речевых артикуляций, проведенного совместно с Центром магнитной томографии и спектроскопии МГУ (ЦМТС МГУ), основное внимание было сосредоточено на МРТ-визуализации артикуляционных органов в моменты пауз (рассматривались только паузы – перерыв в звучании) при повторах русских гласных звуков [а], [о], [у], [и], [е], [ы] в изолированной позиции (т. н. «тянутое» произнесение), а также паузы между произнесением (псевдо)слов и фраз, произнесенных в естественном темпе.

Все эксперименты были проведены на 0.5 Тл томографе Tomikon S50 («Bruker») в ЦМТС МГУ. МР-сканирование проводилось по сагиттальному срезу шириной 9 мм и зоне сканирования – 20 × 12 см. Быстрое сканирование – примерно 2–2,7 кадра в секунду – получено с использованием импульсной последовательности градиентного эха. Сканирование проводилось многократными (128–256) запусками без перерывов внутри каждой серии МР-импульсов. Одной из основных особенностей разработанной нами технологии постановки и проведения МРТ-экспериментов было то, что первичное соотнесение МРТ-снимков и соответствующих им моментов фонации производилось на основе анализа специальным образом подготовленных аудиозаписей [2].

Полученные нами МРТ-изображения представляют собой

набор кадров, разделенных по времени на $\approx 0,6$ сек. и отображающих одну и ту же зону сканирования.

Как мы уже отмечали в ряде предшествующих публикаций, одним из самых существенных результатов осуществленных по этой методике МРТ-экспериментов, нацеленных на изучение русских вокальных артикуляций, оказалась высокая степень стабильности артикуляторных конфигураций (артикуляторных паттернов) для каждого из русских гласных звуков [3]. МРТ-исследование артикуляционных конфигураций, соответствующих моментам паузации, свидетельствует, как нам кажется, о несколько иной ситуации в этом случае. В частности, в отличие от значительной арти-

куляционной стабильности изолированно произнесенных гласных звуков русского языка МРТ-изображения артикуляторного тракта в моменты пауз между реализациями отдельных гласных обнаруживают гораздо большее разнообразие артикуляционных конфигураций (артикуляторных «поз»). Однако и здесь при определенных условиях можно заметить не случайные, но вполне закономерные, системные сходства и различия в отдельных участках артикуляторного тракта (см. рис. 1), которые будут подробно рассмотрены в докладе.

Исследование выполнено при частичной поддержке и в рамках проекта РФФИ-НВО № 06-06-89401нво.

Рис. 1. Типовые конфигурации артикуляторного тракта в паузальных интервалах между повторами гласных звуков [a], [o], [y], [и], [e], [ы].

Литература

1. Скалозуб Л. Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографии). Киев, 1979.
2. Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В., Пирогов Ю. А. Исследование артикуляторной базы русского языка методами магнитно-резонансной томографии // XIII сессия Российского аку-

стического общества. Сб. трудов. Т. 3. Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика. М., 2003.

3. Кедрова Г. Е., Захаров Л. М., Анисимов Н. В., Пирогов Ю. А. Исследование вокалических артикуляций: новые подходы // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань, 2006.

Фонетический процесс как основа для принятия решений в фонологии (на материале велярных согласных)*

С. В. Князев

Московский государственный университет им М. В. Ломоносова
Фонетика, фонология, коартикуляция, велярные согласные

Summary. The phonetic process of vowel coarticulation is argued to be the basis of the «soft» velar consonants' phonological analyses in Modern Russian.

Основное направление развития фонетической системы современного русского литературного языка (СРЛЯ) на основании идей И. А. Бодуэна де Куртенэ еще полвека назад сформулировал М. В. Панов: «В русском языке <...> упрощается система гласных, усложняется система согласных» [10, 10]. Одно из явлений русской фонетики, которое находится в русле этой тенденции, – межслоговая вокальная ассимиляция (или коартикуляция), описанная С. С. Высотским, Р. И. Аванесовым, Р. Ф. Пауфошиной ([3], [1, 78], [8]): редуцированный гласный [ъ] ([ь]) уподобляется соседнему (чаще последующему) гласному [y], [ы] или [a], наиболее последовательно – в случаях регрессивного контактного уподобления по лабиализации типа *n[uu]ки*, *n[yu]згу* и т. п., где его можно уже считать практически обязательным для СРЛЯ. Произношение [y] на месте <a> и <o> (<a / o>) ведет к нейтрализации этих фонем с <u> в положении после твердых согласных и упрощению системы гласных.

Однако данный процесс имеет и другие следствия. Е. А. Брызгунова отметила, что в СРЛЯ все большее распространение получает произношение [к'] в позиции перед <a> и <o> (<a / o>) (например, *соратниками*, *ноликами*, *капиталист*), объяснив это явление «непрямым диалектным влиянием» [2, 33], видимо, на основании того, что в южных говорах распространено окончание <-им'и> у существительных с основой на заднеязычный (*иголки*) [9, 121]. Возможно, это объяснение и может быть признано удовлетворительным для форм творительного падежа множественного числа существительных с основой на велярный согласный, но в корневых морфемах (например, *коммерсант*, *рекомендовать*, *комбинация*, *коллектив*, *кандидат*, *комитет*, *контингент*, *организация* и т. п.) произношение [к'] перед <a> и <o> (<a / o>) явно является результатом другого – чисто фонетического – процесса: последовательного уподобления сначала редуцированного гласного второго предупредного

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO), грант № 047.011.2005.017.

или заударного слогов на месте <a>, <o>, <a / o> последующему [и], а затем – твердого [к] последующему гласному переднего ряда¹. Таким образом, в этом фрагменте фонетической системы наблюдается редчайшее для СРЛЯ явление, когда в сочетании {твердый согласный + гласный переднего ряда} коартикуляционным изменениям подвергается не гласный, как это бывает с сочетаниями, в которых согласный является парным по ДП твердость / мягкость, а согласный.

Произношение [к'] в позиции перед [и], реализующим фонемы <a> и <o> (<a / o>)², следует рассматривать не только как свидетельство упрощения системы согласных в СРЛЯ, но и как новый аргумент в дискуссии о фонологическом статусе мягких заднеязычных, которые не всегда включаются в число фонем СРЛЯ на тех основаниях, что они 1) не противопоставлены твердым в положении перед согласным и на конце слова; 2) заменяют соответствующие твердые в позиции перед окончанием <-и>, чего не происходит с другими согласными; 3) в положении перед гласными переднего ряда они возможны только в заимствованных словах (*маникюр, ликёр, гюйс, гюрза*, где их наличие, как и наличие твердых [к], [г], [х] перед гласными переднего ряда в *кзи, кэб* является свидетельством «иноязычности» этих слов), а в русских словах – только в особых позициях: на морфемных стыках перед «смягчающим аффиксом» (*ткёт, жгя, жерехёнок*) ([6, 112]) – таким образом, «состояние языка сейчас таково, что пока еще нет фактов, настоятельно требующих признать существование фонем <к'>, <г'>, <х'>, но уже есть факты, которые позволяют подозревать их существование. Сам язык санкционирует равновесие, равноприемлемость этих двух точек зрения» [6, 121]. Однако экспансия описанного выше процесса нарушает это равновесие: если заднеязычные согласные смягчаются перед гласным переднего ряда не только на морфемных швах, но и внутри морфем в результате коартикуляционного уподобления, мягкие веллярные вряд ли можно рассматривать как особые фонемы. Другие аргументы в пользу этой точки зрения состоят в том, что только веллярные согласные (в отличие от согласных, парных по твердости / мягкости) могут смягчаться 1) на стыках фонетических слов и / или предлога со следующим словом в позиции перед начальным [и], реа-

лизующим сочетание {<j> + безударный гласный} ([к' и] *ро-славлю, сторонни*[к' и] *стесненных методов*, [к' и] *нварским праздникам* при невозможности *но[д' и] *ро-славлем*, **[с' и]нваря*)³; 2) в позиции конца слова перед мягким гомогоранным следующим словом (*други*[х'] *хищников, эти*[х'] *хитрецов*, но не *бра*[т'] *тёти*).

Особое положение твердых и мягких веллярных согласных в фонетической системе СРЛЯ и сложность (а может быть, и невозможность) формирования у них фонологической оппозиции по твердости / мягкости связано, по-видимому, с невозможностью их дифференциации по параметру палатализации / велляризации, являющемуся фонетической основной корреляции твердости / мягкости⁴.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.
2. Брызгунова Е. А. Минимумы и максимумы в культуре речи // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2004.
3. Высотский С. С. Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме переходных говоров. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1941.
4. Князев С. В. Еще раз о соотношении фонетики и фонологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001, № 5.
5. Князев С. В. О статусе некоторых позиций в теории МФШ // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы IV Международной научной конференции. Звенигород, 11–13 апреля 2003 г. Звенигород, 2003.
6. Князев С. В. Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу язв А. А. Реформатского) // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004.
7. Панов М. В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997.
8. Пауфощима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Известия ОЛЯ АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 1.
9. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.
10. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панаева. М., 1968.

Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации*

С. В. Князев, С. К. Пожарицкая**

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фонетика, орфография, сленг, интернет

Summary. Intentional orthographical “mistakes” in internet-blogs as a source of linguistic information.

Основным источником сведений о фонетической системе любого языка является звучащая речь. Некоторым опосредованным образом эта информация может быть получена и на основании письменных текстов – преимущественно путем анализа имеющихся в них орфографических ошибок. Не так давно в распоряжении лингвистов оказался и весьма обширный материал третьего рода, позволяющий судить о связанных со звуковой системой языка представлениях наивных носителей – письменные тексты, содержащие намеренные искажения орфографического облика некоторых

слов. Речь идет о так называемом языке *падонкафф* – стилистически маркированной разновидности письменной речи сформировавшейся в творчестве пользователей, группирующихся вокруг так называемого *Ресурса Удава*⁵, и активно использующейся в текстах участников интернет-блогов: *Живого журнала* (www.livejournal.com) и др. Важнейшая особенность этого фрагмента молодежной субкультуры – наличие (обычно в виде вкраплений) специфического типа письма, изначально ориентированного на сознательное нарушение орфографических правил СРЛЯ, так что любое сло-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Нидерландской организации по научным исследованиям (NWO), грант № 047.011.2005.017.

** Мы благодарим за участие в обсуждении этой темы и за ценные замечания наших коллег – Е. М. Большеву, М. Н. Григоренко, А. Б. Коконову, Е. И. Литневскую и И. Д. Ремизова.

О том, что это уподобление не является дистантной ассимиляцией согласных, свидетельствуют результаты проведенного нами экспериментально-фонетического исследования, на основании которого можно утверждать, что коартикуляции не происходит в словах типа *коммюнике, капюшон, камин, калитка, коллега, дураками, выколо*, где либо гласный после [к] не является редуцированным, либо следующий после этого редуцированного гласный не является гласным переднего ряда (в словах *капюшон, коммюнике* она возможна, но только в случае произношения [и] в первом предударном слоге); наоборот, уподобление имеет место в словах типа *комплимент*, где соседние с <к> согласные – твердые.

² О необходимости разграничения фонетических и фонологических позиций см. [4], [5].

³ Теоретически реализация сочетания {<к> # <j> + безударный гласный} как [к'и] может быть объяснена и иным образом, за счет иного порядка применения правил: 1) смягчение <к> перед близким ему по месту образования <j>; 2) реализация <j> нулем звука. Этому, однако, противоречит тот факт, что перед [j] смягчения [к] как раз не происходит: ср. *к югу, к Яше*, а <j> не реализуется нулем звука в позиции после согласного (подробнее о порядке применения правил при порождении высказывания в СРЛЯ см. в [6]). Заметим еще, что отсутствие смягчения [к] в позиции перед реализующим <j> «неслоговым [и]» является очередным свидетельством в пользу консонантной природы последнего звука.

⁴ В этой связи представляется несчастливым тот факт, что в СРЛЯ есть еще только один согласный, для которого подобное фонетическое противопоставление невозможно – палатальный [j], также не имеющий пары по дифференциальному признаку твердость / мягкость.

⁵ Сайта www.udaff.com, открытого в начале века петербуржцем Д. Соколовским, псевдоним *Udaff*. Подробнее см. [3], [4], [2].

во, содержащее «орфограммы» может быть записано в текстах такого рода несколькими разными, но отличающимися от нормативного способами; ограничение состоит лишь в том, что полученное написание не должно противоречить произношению. Некоторые из примеров такого рода стали уже стилистическими маркерами соответствующего стиля¹: язык *падонкафф*; *превед*; *красавчег*; *учаснег*; *аффттар жжот* (*жжод*); *аффттар, выпей йаду*; *моск*; *аццкий сотона*; *криатифф*; *пеши исчо*; *ниасилл*; *зачот*; *аджог*; *убей себя апстену*; *в Бобруйск, животное*; *пейсатель*; *каммент*; *нипадецки*; *слиф заццитан*; *песдатый*, *сцылко*; *фтыкать*; *фсе пруща* и т. п.²

В этой системе возможны орфографические искажения связанные 1) со «слоговым» принципом обозначения <ј> (например, *йаду*) и написанием гласных после непарных по твердости / мягкости согласных (*исчо*, *жжот*, *зачот*, *аджог*, *животное*, *сцылко*), причем если после непарных твердых согласных может быть использована любая буква, то после непарных мягких – любая, **кроме ъ и ы** (написания типа *ишы*, *ночь*, *чысто* отсутствуют); 2) с обозначением фонем в слабых позициях. Среди последних можно выделить следующие возможности: а) обозначение гласных в безударных слогах в начале слова, после гласных и твердых согласных, где возможна мена букв *о* и *а*: *аффттар*, *падонкафф*, *сотона*, *ниасилл*, *апстену*, *каммент*, *нипадецки*, *красавчег*, *сцылко*; б) написания, связанные с обозначением гласных в безударных слогах после мягких согласных, где теоретически возможна мена букв *и*, *е*, *я*: *превед*, *пеши*, *криатифф*, *исчо*, *сибя*, *ниасилл*, *красавчег*, *песдатый*, *пейсатель*, здесь обращает на себя внимание тот факт, что взаимная мена *е* и *и* используется весьма активно, в то время как замена *я* на *и* практически не встречается, а замена *и* и *е* на *я* не зафиксирована нами ни разу; в) обозначение согласных в слабых по глухости / звонкости позициях: *падонкафф*, *превед*, *красавчег*, *учаснег*, *аффттар жжод*, *моск*, *криатифф*, *апстену*, *песдатый*, *слиф*, *фсе*, *фтыкать*; г) написания согласных в позициях, слабых по месту и способу образования: *исчо*, *заццитан*, *пруцца*, *аццкий*, *нипадецки*; д) обозначение согласных в позициях, где нейтрализуются долгие и краткие согласные *криатифф*, *аффттар*, *аццкий*; е) написания, связанные с нулевыми реализациями фонем: *учаснег*, *исчо*; ж) искажения, связанные с передачей согласных в слабых по твердости / мягкости позициях в исследованном нами материале полностью отсутствуют.

Очевидно, что создатели данного стиля прекрасно чувствуют все те языковые возможности, которые могут быть

использованы для создания *падонкаффских* написаний, включая достаточно тонкие (такие, как, например, *пейсатель* – действительно, на месте сочетания *ей* в первом предупредительном слоге возможно признание [и], например, в словах *рейтузы*, *действительно*. На этом фоне представляется совершенно не случайным отсутствие орфографических замен, связанных с ассимилятивным смягчением согласных (типа *сьтена*) – очевидно, что эти явления находятся вне «светлого поля сознания» носителей СРЯ, не осознаются ими – и замен *и* и *е* на *я* (типа *ляцо*, *пяши*)³, и *и* на *ы* после непарных мягких согласных, которые, видимо, создателям *падонкаффского* стиля кажутся провоцирующими неправильное прочтение⁴ (возможно, диалектными). Этот факт может быть связан с вопросом о предмете орфоэпии, задача которой состоит в том, чтобы давать оценку только тем альтернативным вариантам, которые осознаются говорящими и относительно которых существует возможность сознательного выбора одного из них [6].

Другой интересный аспект этих написаний – соотношение их с основным принципом русской орфографии, который принято называть либо фонемным (т. к. в соответствии с теорией МФШ буквы в СРЛЯ обычно обозначают фонемы в сильной позиции), либо морфологическим (т. к. сохраняется единообразное написание морфов, не отражающее фонетический чередований). В наблюдаемых примерах морфологический принцип может иметь приоритет при передаче словоформ, в которых обозначенные «неправильно» фонемы оказываются в сильных позициях: *красавчег*, *учаснеги* и т. п.

Литература

1. *Большаева Е.М.* О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Наст. изд.
2. *Коконина А.Б., Ремизов И.Д.* Интернет-язык 2006: попытка систематизации некоторых новейших языковых процессов (в печати).
3. *Литневская Е.И.* Об Интернете и так называемой «порче языка» // Наст. изд.
4. *Литневская Е.И., Бакланова А.П.* Психологические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2005. № 6.
5. *Мокрородова Л.* Русский жгот! (язык СМИ в эпоху новографа) // Русский язык и литература: Проблемы преподавания в школе и вузе. Киев, 2006.
6. *Полярникова С.К.* Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сборник трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004.

К вопросу о преобразовании предлогов-приставок *ъп, *сьп, *кьп в праславянском языке

Т. А. Крепких, О. Л. Рюмина

Таганрогский государственный педагогический институт

Закон открытого слога, утрата конечного *п, вариантные приставки, переразложение, варианты корней

Summary. The transformation ways of prepositions-prefixes *ъп, *сьп, *кьп in original Slavonic language are investigated in this paper. Some positions and reasons of different kinds of the given linguistic units transformation are defined.

Предлоги-приставки *ъп, *сьп, *кьп представляли собой закрытый слог и подверглись преобразованию в праславянском языке в период действия закона открытого слога. Изменение названных предлогов-приставок осуществлялось

двумя путями: 1) за счет утраты конечного согласного *п; 2) за счет переразложения (согласный *п отходил от предлога-приставки и присоединялся к последующей словоформе или последующему корню).

¹ Их число легко умножить, см., например, <http://technosapiens.narod.ru/creativ/sleng.htm>.

² Очевидно, что у *аффтарафф* не существует намерения «приблизить орфографию к звучанию», как это иногда отмечается (см. [6]), ср.: *превед*; *красавчег*; *учаснег*...

³ Одну из причин этого явления можно видеть в том, что фонемы <a> и <o> нейтрализуются с <i> и <e> в гораздо меньшем числе позиций, чем друг с другом.

⁴ См. возможную интерпретацию этого явления в [1]. Впрочем, влияние буквы на представления участников интернет-блогов о языке весьма значительно, но не безгранично – так, в ряде случаев при образовании ненормативных форм мн.ч. или усеченных форм в случае переноса ударения проявляется не тот гласный, который обозначен соответствующей буквой: *n[о]льта*, *z[и]мор*, *m[о]тра* и др. В подобных случаях носители языка ведут себя по моделям, которые формируются на основании анализа существующих нормативных форм. Например, словари не указывают разницы в произношении ударного гласного в словах *манёвр* и *маневренный*, но в первом слове проносятся [о], а во втором – [е] (ср. *сёстры* – *сестринский*, *тёплый* – *теплится* и т.п.). При наличии нескольких возможностей выбирается обычно наиболее частотная – так, от слова *метр* образуется форма *мётра* (ср. *метла* – *мётлы*, *звезда* – *звёзды*, *гнездо* – *гнёзда*, *тепло* – *тёплый* и т.п.), от слова *пальто* – *пóльта* (ср. *окно* – *о́кна*). В тех случаях, когда модели не существует, могут быть использованы все возможности, что позволяет судить о представлениях носителей языка о морфонологической закономерности. Так, от слова *френдить* (включать кого-либо в число своих друзей) при отсутствии соответствующей морфонологической модели (в СРЛЯ есть только три глагола на -ндить: *сбрндить*, *сбондить*, *ерундить*, ни один из которых не имеет нормативной формы 1 лица ед.ч. в наст. / буд. вр.) могут быть образованы формы *френдю*, *френдлю*, *френджу* и *френджу* (последняя – по аналогии с *винтить* – *винчу* или для отражения соответствующего произношения: в позиции перед щелевым носовой действительно обычно заканчивается ртовой смычкой).

До настоящего времени не определены отчетливо позиции, в которых реализовались названные пути, не разработан вопрос о том, какое отражение получили результаты преобразования предлогов-приставок *vъp, *sъp, *kъp в старославянском языке и живых славянских языках в их истории и современном состоянии.

Выскажем некоторые соображения относительно путей преобразования предлогов-приставок *vъp, *sъp, *kъp в праславянском языке, позиций, в которых реализовался тот или иной путь, причин того или иного изменения рассматриваемых языковых единиц.

В большинстве случаев преобразование закрытого слога в открытый происходило путем утраты конечного согласного *n предлогов-приставок. Это имело место перед согласным, в том числе и перед исконным *j (исключая случаи с указательным местоимением *jъ, *je, *ja – см. ниже), а также перед начальным гласным существительных и субстантивированных местоимений, прилагательных, причастий (о древности явления субстантивации см., например, в [1, 314 и след.]): *sъp gogu > sъ gogu, *vъp-dati > vъdati, *kъp jugu > къ jugu, *vъp jamon > vъ jamo; *kъp oъc'у > къ oъc'у, *sъp oněmi > sъ oněmi, *kъp ubogu > къ ubogu и т. п. Ср. в старославянском языке: съ горы, вѣдати, къ югоу, в кмж, къ отцю, съ онѣми, къ оубогуу.

Полагаем, что конечный *n приставок *vъp, *sъp перед согласным корня утрачивался вследствие того, что после перемещения слоговой границы, вызванного действием закона открытого слога, возникало слитное сочетание согласных, в котором начальная артикуляция не являлась самостоятельной и затем исчезала: *vъp-dati > vъ-'dati > vъ-dati [2, 188].

Наряду с образованием приставки sъ- (в результате утраты *n перед согласным корня), появилась и приставка sо- (где o < *ъp перед согласным); в ст.-сл. яз.: сжмынѣние, сжпостатъ, сжпротивъ. Возможно, что приставка sо- возникла по аналогии с начальным корневым sо- – одним из частных случаев преобразования дифтонгических сочетаний «гласный + носовой согласный» в носовой гласный в положении перед согласным (ср. в ст.-сл. яз.: сжбота, сждити, сждьба). Можно думать, что в праславянском языке существовали варианты приставки sъ- и sо-; примеры их параллельного употребления фиксируются в старославянских памятниках письменности; ср.: сьгласьно, сьбыти сж и сжгласьнѣ, сжвжджтъ сж; сьплемьникъ, сьпримьникъ и сжсѣдъ, сжпѣрь.

Одинаковое изменение предлогов *vъp, *sъp, *kъp в положении перед согласным и перед гласным могло быть вы-

звано следующими причинами: 1) предлог, по сравнению с приставкой, обладал большей автономностью, поэтому граница между предлогом и словоформой была более отчетливой, чем между приставкой и корнем; конечный *n после редуцированного *ъ ослабевал и утрачивался; 2) препятствием для переразложения перед гласным могло стать стремление языка к сохранению исконного вида корневой морфемы.

Переразложение осуществлялось перед гласным корня, а также перед начальным согласным *j падежных форм указательного местоимения *jъ, *je, *ja: *vъp-iti > vъ-niti > vъniti, *sъp-enti > sъ-nenti > sъnēti, *vъp-ontrъ > vъ-nontrъ > vъnōtrъ и т. п.; *vъp jemъ > vъ njemъ > vъ n'emъ, *kъp jemu > къ nje-mu > къ n'emu и т. п.; ср. в ст.-сл. яз.: вѣнѣти, сьнѣти, вѣнѣтръ; вѣ нѣмь, къ нѣмоу.

Перед гласным конечный *n рассматриваемых приставок легко отходил к последующему слогу.

Особый путь преобразования предлогов *vъp, *sъp, *kъp перед формами указательного местоимения (ср. изменение данных предлогов перед формами существительных и субстантивированных частей речи) может получить объяснение, не связанное с действием закона открытого слога. Если, как считает С. Б. Бернштейн, ассимиляция согласных перед *j осуществлялась задолго до утраты закрытых слогов [2, 167, 182], то можно предположить, что в тот период предлоги *vъp, *sъp, *kъp с формами указательного местоимения *jъ, *je, *ja, в силу краткости последних, составляли тесное фонетическое единство, что способствовало перемещению слоговой границы с последующим смягчением *n под влиянием *j и включением n' в состав корня: *vъp jъ > vъ njъ > vъ n'ъ, *vъp je > vъ nje > vъ n'e, *sъp jьмъ > sъ njьмъ > sъ n'imъ и т. п. Возможно, процесс начался прежде всего в формах вин. п., как самых кратких, а затем охватил другие падежные формы.

Вследствие переразложения в праславянском языке появились варианты корней с начальным n после приставок vъ-, sъ-, а также вариант корня n' в формах местоимения jъ, je, ja после предлогов vъ, sъ, къ. Напр., в ст.-сл. яз.: сьнѣти, сьнѣмати (ср. ѣти, имати), вѣнѣтръ, вѣнѣтрънъ (ср. жтръ, жтроба, жтрънъ); къ нѣмоу (ср. кмоу).

Литература

1. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.
2. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Ларингализация в русской речи

О. Ф. Кривнова

Московский государственный университет им М. В. Ломоносова

Русский язык, фонетика, ларингализация, текст, диалог, инструментальный фонетический анализ

okri@philol.msu.ru, leon@philol.msu.ru, grg@philol.msu.ru

Summary. Speech resources of larynx aren't studied enough neither in general nor in Russian phonetics. This report is devoted to the functions and features of laryngealization in connected Russian speech. The data will be discussed that have been received in a special experimental study.

0. Речевые возможности гортани изучены недостаточно как в общей, так и в русской фонетике. До недавнего времени внимание исследователей было сосредоточено на нейтральной фонации и возможных в ее рамках тональных модификациях. Однако спектр фонаций разнообразен, широко и функциональное использование различных фонационных режимов. В сообщении речь идет об одном из особых фонационных режимов, а именно рассматривается явление ларингализации, которое оказалось в последнее время в фокусе внимания ряда фонетических исследований, выполненных на материале разных языков, в том числе и русского.

1. Фонетическая сущность ларингализации как всякого фонетического явления может быть описана в трех аспектах – артикуляционном, акустическом и перцептивном. В фундаментальном труде известного фонетиста Дж. Лэйвера [1994] ларингализация описывается как дополнительная артикуляция, которая накладывается на основную, надгортанную артикуляцию звукового сегмента или последовательности сег-

ментов и состоит в образовании дополнительной преграды для прохождения воздуха через голосовую щель (glottis). Преграда реализуется в виде потенциально различного по полноте и интенсивности смыкания голосовой щели, которое может сопровождаться сжатием гортани в целом, в особенности в области ложных голосовых связок и надгортанника. По Лэйверу, ларингализация представляет собой градуальное явление, экстремальным проявлением которого является полная глоттальная смычка (glottal stop), что, однако, редко достигается в реализации. Умеренная ларингализация на вокальных звуках приводит к автоматической замене нейтральной фонации на скрипучий голос (creaky voice). Это является поводом для более узкой, чем у Лэйвера трактовки термина «ларингализация», фонетически соотносимой с таким состоянием гортани, которое типично для скрипучей фонации.

Примерно в том же смысле в зарубежной фонетической литературе используется термин «глоттализация», но в этом случае акцентируется состояние голосовой щели, а не

гортани в целом. (Некоторые фонетисты используют этот термин и для обозначения особого поршневидного движения гортани при производстве шумных согласных – ср. эйктивные и имплозивные согласные.) Глоттализация имеется, если при произнесении звука или цепочки звуков наблюдается тенденция к такому смыканию глоттиса, которое превышает по степени то состояние, которое характерно для нейтральной фонации.

В русскоязычной литературе экстремальное проявление ларингализации обозначается термином «гортанная смычка», который первоначально был введен для гортанно-го согласного в языках, где этот звук имеет фонемный статус. Термин «глоттис» и производные от него, в том числе глоттальная смычка, в русской фонетической литературе практически не встречаются. Нам кажется целесообразным позаимствовать у зарубежных авторов термин «глоттальная смычка», который может использоваться как равнозначный более привычному термину «гортанная смычка», с единственной оговоркой – гортанная смычка есть глоттальная смычка, артикуляция которой с большой вероятностью может сопровождаться дополнительным сжатием гортани. Завершая терминологические замечания, отметим еще раз, что ларингализация / глоттализация в речи имеет много разновидностей, в зависимости от того, какова степень ларингализации и тот сегментный базис, на который она накладывается. (Более подробно о терминах и фонетических интерпретациях см. [Кривнова, Андреева 2006].)

2. В функциональном плане ларингализация используется в речи как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях. Если ограничиться европейскими языками, то на материале шведского и английского языка (британский вариант) отмечается использование скрипучей фонации (особенно в сочетании с низким или падающим тональным движением) в качестве фразового пограничного сигнала и, часто, показателя завершения реплики и смены речевых ролей в диалоге. Для американского английского, немецкого и французского языков исследована возможность появления глоттальной смычки и ее субститутов на начальных гласных слов и на стыках слов, последнее из которых имеет неприкрытое гласное начало. Вероятность ларингализации резко возрастает в случае, если слово несет сильный смысловый акцент. Известно, что в английском и немецком языках глоттальная смычка используется в определенных контекстах как аллофон взрывных и даже носовых согласных, т. е. как универсальный заменитель ротовой смычки. На примере этих языков можно видеть, что глоттальная смычка и ее заменители могут использоваться в одном и том же языке как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях.

3. Есть ряд упоминаний об использовании ларингализации и в русской речи. Еще в работах начала XX в. отмечалось, что для «великорусского литературного произношения вполне типичен гортанный взрыв, которым начинаются слова с начальными гласными в начале речи и после гласных; в середине речи после согласных предыдущего слова этот взрыв в русском языке отсутствует». [Дурново 2000: 56]. Однако приведенное утверждение противоречит более поздним наблюдениям. Так, А. А. Реформатский [1960] указывает, что «в русском произношении гортанный приступ

может возникать лишь при искусственном отделении предлога, заканчивающегося согласным, от существительного, начинающегося гласным: к[ʔ]отцу». С. С. Высотский заметил, что гортанный взрыв часто «обнаруживается при сандхи твердого согласного с последующим [и], благодаря чему возникают просодические вариации таких словоформ, как “во[ты]менно” и “во[тʔи]менно”. Выбор этих реализаций может зависеть от оттенков значения или стилистической установки речи» [1978]. Заметим, что в подобных случаях гортанный взрыв совмещает две функции: граничного маркера и эмфатического усиления слова. Согласуются со сказанным и экспериментальные данные работы [Князев, Моисеева 2001], авторы которой заметили, что гортанная смычка может быть реализована в русской речи как в виде гортанного смычного взрывного согласного, так и в виде скрипучей фонации. И. Г. Добродомов [2002] считает, что наличием фонемы /ʔ/ или ее отсутствием на границе морфем различаются минимальные пары типа: *суженный* – с[ʔ]уженный; *подарочный* – под[ʔ]арочный, однако экспериментальных свидетельств этого не приводится.

Специальное исследование глоттализации в начале и на стыке интонационных фраз и фонетических слов внутри фразы было предпринято в [Кривнова 2002], где показано, что инициальная и стыковая глоттализация на начальных гласных (и, шире, вокальных сегментах) встречается достаточно часто в связной русской речи.

Еще одно из возможных супraseгментных проявлений ларингализации зафиксировано в русской диалогической речи. Согласно Е. А. Брызгуновой [1980], одна из интонационных конструкций, а именно ИК-7, представляет собой такой тональный комплекс, в котором «гласный центра производится с восходящим движением тона выше уровня предцентровой части; гласный заканчивается смычкой голосовых связок. С. В. Кодзасов [1997] указал на возможность сочетания нисходящего тона и глоттальной смычки. Таким образом, ларингализация скорее всего не является встроенным элементом конкретного тона, а выступая в комбинации с тоном, оказывает определенное эмотивно-усилительное и фокусирующее влияние на смысл слова-реплики. Наши экспериментальные результаты [Андреева, Кривнова 2005] подтверждают возможность использования ларингализации в комбинации с разным тональным оформлением речевых отрезков.

Известно также употребление глоттальной смычки в неформальных отрицаниях или подтверждениях типа «не-а / а-а». По нашим наблюдениям неформальное отрицание типа «не-а», произнесенное с ларингализацией, может обладать оттенком вызова, противопоставления мнения говорящего мнению собеседника, размежевания и нарочитого разграничения и рассогласования их позиций.

4. Проведенная нами систематизация сведений о ларингализации / глоттализации [Кривнова, Андреева 2006], позволяет сделать вывод, что это явление соотносится с определенным набором типовых лингвистических функций, использование которых не является исключительной чертой отдельных языков или языковых семей. Однако конкретных данных по «ларингальной» проблеме крайне мало, и, в частности, необходимы дальнейшие многоаспектные исследования и на материале связной русской речи.

Об особенностях реализации зияний в русской речи

О. А. Кузнецов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Орфоэпия, звучащая речь, зияния

Summary. This article is devoted to investigation of possible ways of vowel's combinations (hiatuses) realization in Russian speech. It views mechanisms of hiatuses simplification, factors, which determine possibility of one or another way of hiatus realization. The article describes variants of pronunciation of words with hiatuses. Theoretical material is supported by examples from contemporary sound speech supplemented with experimental data.

В русском языке не так редки сочетания двух или нескольких гласных в пределах слова или на стыке слов. Такие вокалические сочетания называют *зияниями*, или *хиатусами*. Главным образом они обнаруживаются на морфемных стыках и на стыках двух слов. Большой поток заимствований делает зияния все более распространенными в рус-

ском языке. Однако поведение гласных в таких сочетаниях зачастую отличается от «стандартного» поведения гласных в русском слове, что заставляет признать зияние особой фонетической позицией. В связи с этим возникает необходимость детального описания функционирования гласных в зиянии. В данной статье перечислены и проанализированы

основные способы реализации зияний, определены условия, которые диктуют ту или иную реализацию вокалических сочетаний, приведены характерные примеры из русской речи.

Зияния в русской речи могут реализоваться следующими способами.

1. Реализация гласных в зиянии **по общим правилам редукации гласных**. Гласные, образующие зияние, реализуются «стандартно» преимущественно в словах, стоящих в сильных фразовых позициях, а также в плохо освоенных словах, которые обычно говорящий стремится произнести более отчетливо. Если слово, даже слабо освоенное русским языком, попадает в безакцентную фразовую позицию, то в содержащемся в нем зиянии возможны любые из тех явлений, о которых будет сказано ниже.

2. **Межслоговая ассимиляция** гласных в зиянии. Она заключается в уподоблении одного гласного в зиянии другому и носит обычно регрессивный характер. Реализация гласных в зиянии под влиянием межслоговой ассимиляции возможна, если зияние находится на месте ударного – I предупредительного слогов или на месте I–II предупредительных слогов. В указанных позициях, благоприятных для осуществления ассимиляции гласных в зиянии, возможна или подстройка по подъему второго гласного под первый: *акт[оа]льный, вирт[оа]льный, сит[оа]ция*, или полная ассимиляция гласных: *ауки[об]н, бенефици[аа]нт, [р'аа]лист, п[уу]чок, и[уу]рма́* и мн. др. Межслоговая ассимиляция гласных в зиянии – обязательный этап на пути к стяженному произношению зияния.

3. **Стяжение** гласных в зиянии. Механизм стяжения (слияния) двух гласных в один таков: первый гласный уподобляется второму, исчезает межвокалический переход и образуется один гласный звук, сокращается длительность получившегося звука, которая отчасти переходит в интенсивность. Стяжение имеет место в тех же позициях, что и межслоговая ассимиляция, т. е. зияние должно находиться на месте ударного – I предупредительного слогов или на месте I–II предупредительных слогов. О стяжении можно говорить в том случае, когда на месте зияния произносится только второй его компонент. Переход от межслоговой ассимиляции к стяжению может быть вызван следующими причинами. Во-первых, это высокая лексическая освоенность слова, частотность слова, содержащего зияние. В этом случае иногда происходит лексикализация стяженного произношения вокалического сочетания. Примеры: *[р'а]льный, милици[а]нёр, спец[а]льный, офиц[а]нт, инци[а]тыва, аква[р'у]м, экзаменац[о]нный, [т'а]тр, профе[с'а]на́л, [р'э]ктор* и др. под. Еще одна причина стяжения – быстрый темп речи. Тогда даже в словах, в которых обычно не наблюдается переход к стяженному произношению, отмечается упрощение зияния посредством стяжения. Стяжение также более вероятно в длинных словах, чем в коротких, ср.: *ц[ы'а]н, но ц[а]нистый*.

4. **Эллипсис** одного из компонентов зияния. Эллипсис (утрата, редукация, пропуск) одного из гласных в зиянии возможен главным образом в сочетаниях, где оба гласных безударны, имеет место преимущественно в том случае, когда

произносится только первый компонент. Чаще всего эллипсис гласного можно наблюдать в зиянии, которое занимает положение II–III и следующих предупредительных слогов.

5. **Дифтонгизация** вокалического сочетания. Образование дифтонга (восходящего или нисходящего) на месте зияния осуществляется в результате утраты слоговости одним из гласных вокалического сочетания. Зафиксирована дифтонгизация зияний в словах *си[д'у]борд'ист, Б[а'у]манская, с[а'у]ндтрэк, в[ы'и]грать*; обычно дифтонгуется зияние в элементе *-oid-*: *префикс[б'и]д, целлюл[б'и]д, рубер[б'и]д, трапец[б'и]д* и др. Как видно из этих примеров, дифтонгизация зияния осуществляется преимущественно при первом ударном его компоненте, причем чаще всего теряют слоговость гласные [и] и [у].

6. **Консонантизация** одного из компонентов зияния заключается в замене одного гласного звука в зиянии соответствующим согласным: [и] изменяется на [j] (когда звук [и] – первый компонент зияния при втором ударном компоненте), [у] – на [в] (когда [у] – второй безударный компонент). В [2] находим примеры *мил[ь]он, вар[ь]янт, тротва́р, ритва́л*. Вообще такое произношение сочетаний *ио, иа* характерно для начала прошлого века. Однако нормативным остается произношение с консонантизацией первого компонента зияния в слове *материа́л* и производных от него: *мате[р'я]л, мате[р'я]льный, мате[р'я]льчик* и др. Характерны также варианты *бриллиа́нт – брилья́нт, биенна́ле – бьенна́ле, миллио́н – мильо́н, валериа́на – валерья́на, диа́кон – дья́кон*.

7. Реализация зияния с **эпентезой** – вставкой согласного звука (в основном йота [j] или гортанной смычки [ʔ]) между двумя компонентами зияния. В [2] такие примеры эпентез: *ди[ʔ]з, кли[ʔ]нт, пи[ʔ]р, о[ʔ]зис, со[ʔ]втор*, просторечные *Лари[вб]н, ради[вэ]*. Произношение с эпентетическим [j] некоторых слов с сочетанием *ие* кодифицировано в [1]: *кли[э]нт и кли[э]нт; ди[э]та и ди[э]та* и др. слова с корнем *диет-*; *ди[э]з и ди[э]з* и нек. др. Гортанная смычка кроме того часто используется говорящими как средство выразительности речи.

8. **Аномальные** реализации зияний. Сюда относим все остальные способы реализации зияний. Они отмечаются главным образом в тех случаях, когда ударный – первый компонент зияния или когда оба компонента занимают положение заударных слогов. Речь идет о таких словах, как *х[ао']с, пер[и'у]д*, наряду с «нормальным» *пер[и'э]д*, и некоторых других. Вот какие реализации зияния в слове *радио* приводит М. В. Панов: «Слово *радио* произносится: [ра'д'и], [ра'д'и'э], [ра'д'и'а], в книжном стиле: [ра'д'и'о]. Так же вариативно произношение слова *период* и многих других» [3, 65].

Литература

1. Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
2. Касаткина Р. Ф. О реализации некоторых вокалических сочетаний в русской речи (в печати).
3. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Теория русской интонации и типология интонационных систем

Г. Кундротас

Вильнюсский педагогический университет (Литва)

slavdek@vpu.lt

Интонация представляется одновременно простым и неожиданно сложным явлением при ее восприятии, функциональном анализе и в практике преподавания.

Трудности анализа интонации начинаются уже при определении ее объекта (разногласия в терминологии) и места в системе языка, продолжают далее при выборе теорий и методов исследования, при выявлении единиц интонации и интонационной системы в целом, при обсуждении количества и акустических характеристик выявленных единиц, состава интонационной системы и т. д.

Способы и методы изучения акустической природы и функциональных возможностей интонации, поиск и определение ее места в системе языка со временем менялись, развивались и до сих пор по-разному представлены реализуются в разных языках.

Основой доклада является анализ важнейших работ по теории русской, литовской и польской интонации с целью выявить возможности и трудности дальнейшего типологического описания интонационных систем данных языков. Указанные языки, наряду с русским, являются наиболее распространёнными в Литве, они изучаются и преподаются и как родные, и как иностранные.

В этой последовательности существенно то, что интонация русского языка, с одной стороны, является ярким примером разнообразного, всестороннего, в том числе и системного описания, в то время как в литовском и особенно в польском интонация изучена явно недостаточно. С другой стороны, сопоставительное изучение обогащает каждый из них, выявляя то, что ускользает при их изолированном анализе.

Русская интонология, как известно, включает фундаментальные исследования в лингвистике, литературоведении, искусстве, музыке, медицине, психологии, коммуникации, в практике преподавания РКИ и т. д. Интонация анализируется в речи (устной, письменной и виртуальной) и в языке (как его звуковое средство), также в невербальной семиотике (как параралингвистический компонент невербальной коммуникации). Здесь особо важно выявить в сравниваемых языках как можно более близкое толкование и восприятие таких понятий, как просодия, тон, голос, интонация и использование этих терминов в устной и в письменной речи, в лингвистике, литературоведении, риторике, коммуникации, в практике преподавания и т. д.

Таким образом, настоящее исследование актуально как для сравнения результатов анализа интонационных систем русского, литовского, польского языков, так и для дальнейшего использования полученных результатов в теории языка и в практике его преподавания.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Обобщающие и классифицирующие единицы звучащей речи и их сопоставление // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 252–258.

2. Кантер Л. Системный анализ речевой интонации. М., 1988.
3. Кодзасов С., Кривнова О. Общая фонетика. М., 2001.
4. Кундротас Г. Типология интонационных систем // Вопросы русского языкознания. Аспекты изучения звучащей речи. М., 2004. С. 140–149.
5. Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
6. Потапова Р., Златоустова Л. и др. Общая и прикладная фонетика. М., 1997.
7. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.
8. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. М., 1982.
9. Svetozarova N. D. Intonation Systems // A Survey of Twenty Languages. Cambridge, 1998. P. 261–274.
10. Pukelis V. Kai kurie fiziniai pagrindinio tono požymiai lietuvių kalbos patikrinamuosiuose sakiniuose. Vilnius, 1972.
11. Dłuska M. Prozodia języka polskiego. Kraków, 1947.
12. Kram J. Zarys kultury żywego słowa. Warszawa, 1995.
13. Milewski T. Językoznawstwo. Warszawa, 2004.
14. Saloni Z., Świdziński M. Składnia współczesnego języka polskiego, Warszawa, 2001.
15. Wieczorkiewicz B. Sztuka mówienia. Warszawa, 1977.
16. Wiśniewski M. Zarys fonetyki i fonologii współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1998.

О сильной позиции фонемы <e> в современном русском языке и в его истории

А. А. Курулёнок

Московский педагогический государственный университет

Язык, история, русский, гласная, фонема

Summary. This work determines the modern strong position of russian phoneme <e> and its main representative in the speech. As a result of this investigation of old russian phonemes <e> and <ê> the traditional attitude that the position of <e> before a hard consonant is strong and its main representative is not a open sound [e], but a closed sound [ê] is reconsidered.

В 1808 году А. Х. Востоков указал на то, что е может изменяться в о перед твердым слогом. Он открыл то, что сейчас в исторической фонетике принято определять как «переход [e] в [ʰo]», в результате которого возникло чередование фонем <o> / <e>: [c'ól]a / [c'él']ский, ве[c'ól]ый / ве[c'él']ье. В некоторых случаях, по замечанию Востокова, этого не происходит, и е остается «чистым звуком» как перед твердым, так и перед мягким слогами. В 1847 году Я. К. Грот отметил неодинаковое произношение ударного «чистого звука» е: перед твердым согласным он выступает в звуке [e]-открытом ([v'ér]a, c[v'et], [m'ér]a); перед мягким согласным – в звуке [ê]-закрытом ([v'êr']ь, c[v'êt']ик, [m'êr']ить). Грот обратил внимание на позиционное варьирование фонемы <e> в современном русском языке в двух разновидностях, но он не указал, какая из них для <e> является основной.

Современная фонология основным представителем фонемы <e> определяет ее открытый аллофон [e] в силу того, что позиция перед твердым согласным для нее традиционно считается сильной. Положение перед твердым согласным считается для гласных фонетически необусловленным, в нем гласный не подвергается изменениям и сохраняет свою специфику. Закрытый аллофон [ê] по общепринятому мнению приобретает фонемой <e> под влиянием следующего мягкого согласного.

Современное определение фонемы <e> не учитывает истории. И. Г. Добродомов в статье «Еще раз об исторической памяти в языке» (2002) отмечает, что сильной позицией для фонемы является та, в которой она в своей истории не подвергалась изменениям. Оглядя на историю в понимании фонемы дополняет распространённое определение фонемы: основной считается та разновидность фонемы, которая не только в современном русском языке не обусловлена позицией, но и в своей истории не была подвержена изменению.

Современная фонема <e> представляет собой результат развития древних фонем <ê> (обозначалась буквой ѣ) и <e> (буква е). В древнерусском языке фонема <ê> была представлена закрытым звуком [ê], а фонема <e> – открытым звуком [e]. Этими фонемами различались слова: глагольная форма сѣль [c'ěl'] (от сѣсти) и форма родительного падежа множественного числа сель [c'el'] (от село). В современном русском языке звуки [ê] и [e] представляют не разные фонемы, а являются позиционными реализациями одной фонемы <e>.

Следы древнерусских фонем <ê> и <e> обнаруживаются в неодинаковом поведении современной фонемы <e>: 1) рефлексы <ê> находим в чередующихся аллофонах [e] и [ê] ([c'én]o / na [c'én']e), она вошла в состав современной фонемы полностью; 2) рефлекс древней <e> проявляется в звуке [ê] перед мягким согласным, в состав современной фонемы <e> она вошла лишь частично, так как перед твердым согласным она чередуется с <o> ([л'êt'] / [л'ót']ка).

Сравнение современных рефлексов древнерусских фонем <e> и <ê> с их древними реализациями показывает, что свою исконную реализацию в открытом звуке [e] этимологическая фонема <e> потеряла, так как она приобрела закрытый характер перед мягким согласным и стала чередоваться с <o> перед твердым. Современный открытый звук [e] является рефлексом этимологической фонемы <ê>, которая сохранила и исконное звучание в закрытом звуке [ê].

В работах А. Х. Востокова и Я. К. Грота были освещены две проблемы, внешне между собой не связанные. Замечания, сделанные в XIX веке не были оценены исторической фонетикой: лингвисты много внимания уделили вопросам перехода <e> в <o>, но должным образом не рассмотрели позицию <e> перед мягким согласным, на которую как раз и указал Я. К. Грот. Историческое осмысление современных реализаций фонемы <e>, ее чередования с фонемой <o>, сделанное И. Г. Добродомовым в 1991 и 2002 годах, показывает, что проблемы эти тесно взаимосвязаны. Учет и последовательное применение соображений исследователей XIX века позволяет иначе взглянуть на историю древнерусских гласных и по-новому оценить современную фонему <e>. Исторически тезис о сильной для <e> позиции перед твердым согласным также может быть подвергнут сомнению.

За звуковыми изменениями гласного е, обнаруженными языковедами XIX века, и за звуковыми реализациями современной фонемы <e> скрывается картина развития древнерусских гласных фонем <e> и <ê>. В истории русской фонологии произошли изменения, которые привели к появлению чередования <e> / <o> и к снятию противопоставления этимологических фонем <ê> и <e>.

В древнерусском языке старая фонема <e> под ударением перед твердым согласным изменялась в [ʰo] и совпадала с фонемой <o>: [л'êt']ька → [л'ót']ка, бе[р'ез]а → бе[р'оз]а. Перед мягким согласным фонема <e> также не сохраняла свою исконную реализацию в открытом звуке [e]. В этом

положении она приобретала закрытый характер [ê] и в результате этого преобразования совпадала в произношении с фонемой <ê>: [л'êт']ь → [л'êт'], [п'êч']ь → [п'êч']. Фонемы <ê> и <e> объединились в позиции перед мягким согласным в закрытом звуке [ê], и в системе современного русского ударного вокализма рефлексы <ê> и <e> перед мягким согласным звучат одинаково закрыто как [ê]. В этой позиции фонема <ê> сохраняет свое исконное звучание.

Для фонемы <e> все позиции оказались слабыми: совпав с фонемой <o> перед твердым согласным и с фонемой <ê> – перед мягким, этимологическая фонема <e> перестала существовать как особый звукотип, она исчезла.

Несмотря на изменение <e> в <o> перед твердым согласным в современном русском языке в этой позиции мы находим открытый звук [e]. Восходит этот звук к фонеме <ê>, которая в положении перед твердым согласным приобретала открытую разновидность [e]: [л'êт']ь → [л'êт']о → [л'êт']о. Этот новый открытый звук [e] занял место уже отсутствовавшей старой фонемы <e>. Совпадения с фонемой <e> не произошло, так как последняя перед твердым согласным изменилась и совпала с <o>. Позиция перед твердым согласным для <ê> явилась слабой. Перед мягким согласным <ê> не изменила качества своего звучания, и эта позиция осталась для фонемы <ê> сильной.

Получается, современная фонема <e> является модифицированной этимологической фонемой <ê>, которая в своей

истории расширила сферу употребления за счет изменения древней фонемы <e> в [ê] перед мягким согласным и заменила перед твердым согласным исконно закрытый звук [ê] на открытый [e].

Возникает вопрос, почему же положение перед твердым согласным современная фонология считает сильным, фонетически независимым, тогда как в истории русского языка значительные изменения фонем <e> и <ê> произошли именно перед твердым согласным (<e> изменилась в [ʰo], <ê> – в [e])? Положение о сильной позиции для <e> перед твердым согласным, принятое в современной фонологии, не находит поддержки в истории русского языка.

Считаем, что исторически сильной для современной фонемы <e> является именно позиция перед мягким согласным, в которой она не изменила своего исконного звучания и в которой закрытое произношение [ê] сохраняется до сих пор. Объединение рефлексов древних фонем <e> и <ê> в одной позиции – перед мягким согласным, в закрытом звуке [ê] и факт неизменения древней <ê> перед мягким согласным подтверждает это положение. Возможно, поэтому некоторые ученые (Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов) говорили о закрытом характере современной фонемы <e>.

Таким образом, вопреки общепринятому мнению основным представителем современной русской фонемы <e> следует считать ее закрытый аллофон [ê], а не открытый [e].

Коммуникативный анализ эмоционального звучащего монолога (с параметром длящейся нормы)

М. А. Мазия

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Коммуникативные средства, эмоции, семантика, монолог, параметр нормы

Summary. The present report is dedicated to the communicative analysis of emotional sounding monologue with the parameter of continuing norm. The means of communicative level reflect position of speaker, listener and situation realized and estimated by them and form the semantic base of manifestation of emotions. When forming communicative means the dominant role belongs to the parameter of the norm, which exerts influence on the correlation of position of speaker, listener and situation and mostly causes emotional state of the speaker.

В основе представленного в данном докладе анализа звучащей речи лежит понятие коммуникативного уровня языка. Коммуникативные средства связаны с позицией говорящего, позицией слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуацией. Они могут отражать воздействие ситуации, говорящего и слушающего на говорящего либо фиксировать воздействие говорящего на слушающего и ситуацию.

Непосредственной формой существования коммуникативного уровня языка является диалог. В монологе превалирует номинативное содержание. В эмоциональном же монологе активизируются коммуникативные средства, которые формируют семантическую основу проявления эмоций.

Как показал коммуникативный анализ эмоциональных звучащих монологов, на отбор коммуникативных средств и реализацию коммуникативных смыслов в них влияют в первую очередь следующие параметры:

1. Параметр дистанцированности от непосредственно пережитого / непосредственности переживаемого в данный момент. Непосредственность переживания и воздействия обуславливает активное использование средств коммуникативного уровня языка.

2. Параметр возможности / невозможности повлиять на изменение ситуации. Этот параметр связан со степенью активности эмоционального состояния, на которое также влияет и предыдущий параметр. Чем более активно эмоциональное состояние говорящего, тем большую роль играет коммуникативный уровень языка по сравнению с номинативным, тем, следовательно, активнее используются коммуникативные средства.

За основу классификации берется параметр нормы, который влияет на соотношение позиции говорящего, слушающего и ситуации и во многом обуславливает эмоциональное состояние говорящего. Проанализированный материал (эмоциональные звучащие монологи в отечественных художественных фильмах) позволяет выделить три группы мо-

нологов: 1) монологи, основывающиеся на мене длящихся норм; 2) монологи, вызванные изменением нормы развития ситуации при наличии временной дистанции; 3) монологи непосредственного восприятия резкого нарушения нормы развития ситуации. В данном докладе мы подробно останавливаемся на первой группе.

Монологи, основывающиеся на мене длящихся норм, представляют собой рассказ-воспоминание. Они могут быть произнесены как в активном, так и в пассивном эмоциональном состоянии и быть спровоцированы как позицией слушающего, так и ситуацией. Речь идет о жизненных периодах, длящихся нормах, которые оцениваются как бенефактивные или небенефактивные. Причем нормы прошлой и нормы нынешней жизни противопоставляются, и их оценка прямо противоположная: как показывает материал, в подавляющем большинстве случаев 'раньше + ' / 'сейчас –'.

Указанные выше параметры передаются средствами разных уровней языка: активно работают фонетические коммуникативные средства (интонация, удлинение гласных, усиление и ослабление интенсивности звучания и др.), лексические (так называемые частицы и междометия). Также подключаются синтаксические средства (например, повторы) и приемы диалогизации (структуры с риторическими вопросами, глаголами восприятия, конечным «да» и др.).

В монологах с параметром длящейся нормы коммуникативные средства маркируют сопоставление длящихся норм. Приведем пример из монолога в исполнении Алисы Фрейндлих (кинофильм «Служебный роман»):

Утром вста⁶ ну, / надо варить ко² фе, / и не потому, что хочу позв⁶трахать, а потому что так на² до. / Заставляю себя пое⁶сть / и иду на рабо²ту. / Вот этот каблине⁶т / и все э⁶то / практически и е⁶сть мой дом.

С помощью интонации передается жалоба и состояние безысходности. ИК-6 подчеркивает типичность, известность длящейся нормы. Чередуя ИК-6 / ИК-1, 2 используется для маркирования монотонности, однообразия жизни.

Сходное значение может передавать повтор (из того же монолога):

Делаю вид, что у меня много рабо⁶ ты, / а на самом деле просто мне некуда идти². / Что⁷ дома, дома, дома. / Дома только телеви⁶ зор.

Реальный вариант развития ситуации не совпадает с желаемым. Подчеркивается небенефактивное отклонение от нынешней длящейся нормы.

Неспособность контролировать ситуацию, нереализованность желаемого может передаваться с помощью частиц и

междометий. Этот смысл часто реализуется структурами с эх, ох. Например, в монологах Нины Усатовой и Людмилы Гурченко (кинофильм «Прощальные гастроли»):

О⁶й, господи. / Как не² ла, / пляса² ла, / ги² бкая, / то² ненькая. / О-хо-хо². / У себя | перед гла² ми стою.

Э-э² х, / Лева, Лева, Лева, Лева, Ле⁷ ва⁷.

Структура о-хо-хо подчеркивает связь с личной сферой говорящего и невозможность воздействовать на ситуацию. Эх с удлинением гласного отсылает к внешним обстоятельствам, которые помешали реализоваться желаемому.

Еще раз об основном принципе русского письма

Л. Б. Парубченко

Алтайский государственный университет, Барнаул

lbpar@mail.ru

Summary. The meanings of the term *morphological principle of writing* is discussed in the paper.

В литературе, посвященной теории русского письма, на роль доминирующего претендуют два принципа: 1) фонематический, согласно которому буква обозначает фонему, и 2) морфологический, последний в двух редакциях: а) принцип единообразия буквенного обозначения морфемы и б) принцип, тождественный фонематическому.

В работах, посвященных русскому письму, можно обнаружить и еще одно значение термина *морфологический принцип письма*, находящееся несколько в стороне от дискуссии об основном принципе русского письма, которое можно сформулировать следующим образом: морфологический принцип письма – такой, по которому в процессе письма минимальной единицей является морфема.

Такое определение морфологического принципа находим у А. И. Томсона: «...Общие соображения и изучение орфографических ошибок подтверждают главные выводы, а именно, что в наших зрительных и рукодвигательных воспоминаниях главными наименьшими единицами письма являются морфологические части; а писание по буквам и комплексам букв является лишь при плохом рукодвигатель-

ном запоминании письма, при малограмотности и некоторых других условиях» [1, 43 (разрядка моя. – Л. П.)].

У Д. Н. Ушакова: «...Для выяснения процессов грамотного чтения и письма и неважно было бы точное определение всех этих новых соотношений между звуками и буквами, так как прочный зрительный образ слова, гарантирующий правильное писание, разлагается именно не на буквы, а на иные части. Слова дробятся у нас при письме и чтении на известные составные части соответственно своему значению, а значения слов слагаются из значений корней, суффиксов, окончаний, приставок. Мы пишем и читаем не по буквам и не по слогам, а именно по составным частям слов. <...> Эти части повторяются в разных словах (иначе бы говорящий и не сознавал их в своем языке)» [2, 80–81 (разрядка моя. – Л. П.)].

У А. Б. Шапиро: морфологическое письмо – это «такое письмо, в котором отдельно обозначаемой языковой единицей является морфема – значащая часть слова» [3, 32 (разрядка моя. – Л. П.)].

Обобщим определения основного принципа русского письма.

Фонематический принцип	Морфологический принцип	
Обозначение буквой фонемы как позиционного ряда: <i>Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, И. С. Ильинская, А. А. Реформатский, М. В. Панов, Л. Н. Булатова, С. М. Кузьмина</i> и др.	1) Единообразие буквенного обозначения морфемы: <i>Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, В. Ф. Иванова</i> [1976] и др.	2) То же, что фонематический: <i>И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, Е. Д. Поливанов, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, В. В. Виноградов, Л. Р. Зиндер, В. Ф. Иванова</i> [1977], <i>Б. И. Осипов</i> и др.
		3) Поморфемный процесс письма: <i>А. И. Томсон, Д. Н. Ушаков, А. Б. Шапиро, П. О. Афанасьев</i> и др.

Можно заметить существенное различие между формулировками первых трех граф, с одной стороны, и четвертой графы – с другой. Первые три определяют письмо в статике, «по написанному»; четвертая – в динамике, характеризуя сам его процесс.

Отмеченное различие согласуется со словарными значениями слова *письмо*: предметно-результативным: «Графические знаки, начертания для передачи, запечатления речи на каком-нибудь материале. *История письма. Изобразить что-н. с помощью письма или на письме. Отношение письма к языку*» – и процессуальным: «Умение, способность писать. *Искусство письма известно с очень древних времен. Учиться письму. Различные способы письма*» [Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка].

Таким образом, два словарных значения слова *письмо*: 1) 'результат' и 2) 'процесс' – ставят перед теорией письма два вопроса: 1) как написано слово? и 2) как пишется слово? Ответы на эти вопросы в связи с предметом разговора – принципом русского письма – окажутся разными.

Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как написано слово? – т.е. что обозначает буква на письме? – то не приходится спорить с тем,

что доминирующий принцип русского письма фонематический, согласно которому буква обозначает на письме фонему (= ряд позиционно чередующихся звуков) по ее звучанию в абсолютно сильной позиции.

Если понимать под принципом письма ответ на вопрос: как пишут люди, владеющие нормативным письмом? – то «принцип письма», а точнее – «характер», «процесс», «механика», «технология» и т. п. «окажутся» морфологическими: действительно, пишем и читаем мы «не по буквам и не по слогам, а по составным частям слов» [2, 80–81], по морфемам, передавая и воспринимая их фонемный состав. Добавим, что «морфологической» является и правильная (= результативная) методика обучения грамотному письму.

Литература

1. Томсон А. И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903.
2. Ушаков Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе [1911]. 2-е изд. М., 1917.
3. Шапиро А. Б. Русское правописание. Изд. 2. М., 1961.

Актуальные вопросы социофонетики современного русского языка

В. В. Потапов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Социофонетика, социальный признак, фонетический портрет, идиолект, норма

Summary. This article deals with the main trends in the sociophonetics of Russian. The author studies the main spoken language characteristics which are connected with various phenomena such as territory, age, gender, social status, education etc. Sociolinguistics includes the concept of “phonetic portrait”, applied phonetics includes speaker identification and instrumental analysis of speech data using new information technologies.

При изучении социальной дифференциации языка представители Московской школы функциональной социолингвистики различают два аспекта – статический и динамический [Земская, Крысин 1998].

Согласно первому, современный национальный русский язык членится на следующие подсистемы: литературный язык; территориальные диалекты; городское просторечие; профессиональные «языки»; социальные жаргоны. Динамический аспект существования языковых подсистем – это изменение коммуникативных функций подсистем, их социального «веса», их взаимоотношение друг с другом и т. д. При этом направлении исследования социальной дифференциации русского языка учитываются такие факторы, как социальный статус и социальные роли коммуникантов, коммуникативные роли говорящего и адресата, стиль и жанр акта коммуникации, фактор группы (подробнее об этом см. [Крысин 1997; 2004]). В частности, последний фактор позволяет некоторым лингвистам вычленять из социолингвистики даже отдельный аспект исследования: эконолингвистику [Vaugh 1995], включающую такие стороны явления, как жилищный статус, финансовый статус, статус личностной свободы и т. д.

Язык включает две противоположные тенденции: неизбежную изменчивость (вариативность) произносительных норм и стремление литературного языка к некой стабильности (константности). Особенности произношения, порожденные разными периодами в развитии русского языка, преобразуются в синхронные функциональные разновидности языковой действительности [Панов 2002].

На фонетические явления воздействуют следующие социальные признаки: территориальный, возрастной, гендерный [Потапов 1997; 2002; 2004], по социальному положению, по уровню образования и т. д. (Гловинская, Кузьмина 1974; Потапова, Потапов 2006; Потапов 2006)]. Тем не менее, следует помнить, что прежде чем определить стиль произношения в конкретном идиолекте, надо достаточно хорошо представлять себе социальное «лицо» говорящего. У каждого социального типа людей существует свой набор произносительных стилей, зависящий от многих обстоятельств.

Исследования современной произносительной нормы остаются актуальными, поскольку сама эта норма, по сравнению с другими ее языковыми разновидностями – орфографической, графической, грамматической, лексической, стилистической и др., – в наименьшей степени консервативна, максимально подвижна и заметно меняется даже в достаточно небольшой промежуток времени (см. об этом [Богданова 2001; Бондарко 1998; Вербичкая 1993; 2001] и др.).

Считается, что непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея фонетического портрета [Панов 1990]. Выбор «модели» фонетического портрета обосновывается именно социальными и социокультурными факторами: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т. п.), наличие локальных речевых особенностей, например, противопоставление Москвы и Петербурга и др. [Панов 1990].

В работах последнего времени предлагаются фрагменты устно-речевого портрета, которые в той или иной степени отражают современное состояние речевого узуса (например, [Антонова 2002; Богомазов 2002; Брызгунова 2007; Крысин 2001; 2004; Труфанова 2004] и др.). В этих работах рассматриваются главным образом такие параметры, как социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения.

В области прикладной фонетики к приоритетным направлениям относят знания, связанные с профессиональной служебной оценкой речевого сигнала в целях идентификации говорящего и инструментальной обработкой данных с ориентацией на новые технологии [Потапова 2000; 2002; Потапова, Потапов 2006]. В рамках вышеуказанных направлений к числу активно разрабатываемых относят, например: различные виды произносительной маскировки, идентификацию речевых расстройств, речь в состоянии интоксикации (алкогольной, наркотической, медикаментозной), идентификацию экспертами артикуляторной базы родного языка говорящего, поиск голосовых стереотипов, идентификацию эмоций, определение обликовых характеристик говорящего, имитируемую речь и т. д.

О возможности обнаружения признаков иноязычной произносительной интерференции на базе CAPT Via Voice (применительно к речи носителей русского языка)

Р. К. Потапова

Московский государственный лингвистический университет

Автоматическое распознавание речи, фонетическая обучающая система, перцептивно-слуховой анализ, машинная адаптация

Summary. This paper proposes a new method of software adaptation regarding the automatic speech recognition system (ASRS) Via Voice and foreign language pronunciation by native Russians. Results of this research show the possibility of automatic detection of the most frequent phonetic errors belonging to native Russians speaking foreign languages.

Адаптация современных систем автоматического распознавания (CAPT) к решению задачи произносительной иноязычной коррекции речи русскоязычных входит в число проблем, постоянно решаемых, однако до сих пор не решенных с учетом требований лингвистики, психолингвистики, лингводидактики, ИТ-концепций. В связи с этим следует приветствовать любой подход к решению задачи адаптации CAPT к нуждам разработки автоматизированных обучающих систем.

В ходе нашего исследования была предпринята попытка адаптации CAPT Via Voice к решению задачи обнаружения признаков иноязычной произносительной интерференции применительно к английской речи носителей русского языка.

Ранее нами были сформулированы основные требования к функциональной нагрузке отдельных блоков CAPT, используемой для решения задач фонетического профиля: обнаружение произносительных отклонений от кодифицированного варианта в иноязычном произношении, классификация отклонений, показ пути устранения обнаруженных отклонений, оценка корректности достигнутых результатов [Потапова 2002; 2004; 2005]. Ведущим признаком является реализация обнаружения произносительных отклонений с учетом поуровневого представления данных: звукового (применительно к вокализму и консонантизму), слогового (применительно к эффекту коартикуляции), ритмического,

темпорально-мелодического. Исследование на базе применения АСРР Via Voice [Потапова, Ордин 2006] показало следующее:

- возможность обнаружения признаков произносительной русско-иноязычной интерференции;
- целесообразность сопоставления результатов двух типов анализа: а) с помощью АСРР и б) перцептивно-слухового анализа;

- необходимость дифференцированного анализа вокализма / консонантизма с учетом позиций инициали, медиали, финали;
- возможность выделения акустических коррелятов обнаруженных с помощью САРР признаков.

Полученные данные обнадеживают, но вместе с тем необходимо проведение дальнейших изысканий на материале интерферированной русской речи и других языков.

Фоносемантический анализ текста: от эксперимента к методике

Л. П. Прокофьева

Саратовский государственный медицинский университет

Фоносемантика, текст, цвето-звуковая ассоциативность

Summary. Modern state of fiction phonosemantic analysis methodology is presented in the report. The author suggests complex methods of fiction research from the point of view of its color-sound associativeness on the basis of amalgamation of linguistic, psychological, physiological, art criticism and other approaches.

Фоносемантика как наука вступила в такую стадию своего развития, когда созданная теория с полноправным аппаратом и очерченной проблематикой проверяется расширением материала и аспектов исследования, получают экспериментальное подтверждение высказанные предположения, формируются системные классификации, создаются специальные словари (С. В. Воронин, Ю. А. Казарин, М. Магнус, И. Ю. Павловская, С. С. Шляхова и др.). При этом в особом положении оказалась прикладная часть теории – фоносемантический (ФС) анализ текста, который стал наиболее разработанным разделом задолго до оформления самостоятельного направления в лингвистической науке. Прежде всего, это связано с тем, что первым объектом анализа стал текст художественный, причем поэтический, где взаимосвязь означаемого и означающего проявляется наиболее ярко и отчетливо. Хотя исследования звуковой структуры текста долгое время ограничивались описанием различных видов звуковых повторов, лишь изредка выходя за рамки собственно фонетики, тем не менее, фоностилистические методы, выработанные за многие годы, активно используются при современном интерпретационном анализе текста, как поэтического, так и прозаического, являясь неслучайной его составляющей. (Ю. А. Казарин так определяет цель ФС анализа: «достижение за счет интерпретации фонетических смыслов углубленного и расширенного восприятия, понимания и усвоения смысловой системы и структуры стихотворения в целом» [2, 134].)

Выявленные универсальные закономерности ФС составляющих текста, а также исследование произведений большого объема потребовало формализации непосредственных методов анализа, что фактически было начато первыми работами А. П. Журавлева в 60-70 гг. [1] и продолжено в последующие годы, дополняясь набором сопутствующих приемов. Сложившаяся на сегодняшний день общая методология ФС исследований предусматривает анализ языкового материала с целью выделения факта наличия ЗИ средств, статистическую (или с помощью специальных компьютерных программ) обработку данных, итоговую интерпретацию результатов с обязательным привлечением сведений из смежных наук.

Наши исследования последних лет свидетельствуют о необходимости введения в общую методику ФС анализа простейших психолингвистических экспериментов, оценивающих реальность восприятия приемов информантами. Привлечение данных психологии восприятия особенно ярко и поистине зримо можно проследить на примере анализа текста с точки зрения колористической психофоносемантики (цвето-звуковой ассоциативности). Полученная в результате цветовая оценка текста представляет собой формальный набор цветовых признаков, «запрограммированных» национальной спецификой русского языка в составляющих его звукобуквах. Ответ на вопрос, как реализуется заложенная на фоносемантическом уровне информация, какие факторы влияют на проявление или не проявление «запрограммированного» цветового признака, невозможен без проведения аудиторского эксперимента по цветовому восприятию поэтических произведений. Информация о

звуко-цветовых соответствиях воспринимается и перерабатывается на уровне подсознания с одновременным подключением сознательного и бессознательного уровней восприятия. Поэтому полученный с помощью универсального явления синестезии цветовой материал текстов может быть интерпретирован с помощью таблиц цветовых сублиматов, существующих в современной психологии (например, [6], [7]) и с общим смыслом произведения. Выработанная таким образом комплексная методика формально-семантической оценки цвето-звуковых ассоциаций художественного текста позволяет заметить, как эмоциональное и символическое значение цвета, образующего фон стихотворения, соприкасается его лексической семантикой, поддерживая и иногда даже помогая раскрыть ее [5]. Заметим, что смысловая структура текста в его денотативной основе оказывается не прямолинейно соответствующей колористическому значению звуков речи, а обнаруживаются несколько уровней сложного взаимодействия универсальных законов восприятия, национальных особенностей цвето-звуковой ассоциативности и индивидуальных проявлений синестезических феноменов восприятия и репродукции [4].

Таким образом, изучая взаимосвязь звука и цвета, исследователь рассматривает прежде всего психический феномен, анализирует индивидуальный опыт ассоциирования, как авторский, так и читательский, поэтому субъективный подход в таких наблюдениях является основным и научно обоснованным. «Изучение художественного текста с позиций психолингвистики делает возможным не только осветить темную силу человеческого сознания, но и высветить лучом знания всю радугу первичного единства одним из проявлений кого является комплекс звука и цвета» [9, 52]. Исследование текста на основе его цвето-цветовой ассоциативности, сопоставление, совмещение и, в конечном итоге, объединение лингвистического, психологического, физиологического, искусствоведческого и др. подходов демонстрирует постепенное углубление в скрытую семантику художественного текста, что открывает новые горизонты как в общей теории текста, так и в частных методиках его анализа.

Литература

1. Журавлев А. П. Фонетическое значение. М., 1974.
2. Казарин Ю. А. Проблемы фоносемантики поэтического текста. Екатеринбург, 2000.
3. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб., 2001.
4. Прокофьева Л. П. Универсальное, национальное, индивидуальное в цветовой символике звука // Языковое сознание. Содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 421–422.
5. Прокофьева Л. П., Шуришина Т. И. Автор и читатель с точки зрения фоносемантики («Цветовые поля» стихотворения В. Набокова «Бабочка») // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ч. 1. Литературоведение. Ставрополь, 2003. С. 475–485.
6. Серов Н. В. Хроматизм мифа. Л., 1990.
7. Серов Н. В. Цвет культуры. СПб., 2004.
8. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003.
9. Шуришина Т. И. Актуальные проблемы стилистики текста (цветофоносемантический аспект). Черновцы, 1999.

Многоуровневая фонология русского языка

А. А. Соколянский

Северный международный университет, Магадан

Речь речи, звук языка, дифференциатор, синтагмо-фонема, парадигмо-фонема, морфофонема

Summary. Phonetic level is a system of interconnected speech and language units which are in relation of hierarchy to each other. It is suggested to distinguish: syllable (as a speech stream unit), sounds of first and second type (as speech units), sound of language (as an intermediate unit between speech and language), differentiator, syntagm-phoneme, paradigm-phoneme and morphophoneme (as language units).

Необходимым условием выявления уровней внутри фонетического яруса является разграничение речевого потока, речи и языка. Речевой поток – высказывания «в своей нерасчлененной и абсолютной целостности» (Л. Ельмслев). Речевой поток исключительного материален, он имеет только план выражения. Речь – это высказывания, построенные по законам соответствующего языка, то есть речевой поток, наделенный смыслом. Речь устанавливает сиюминутную и индивидуальную связь между материальным речевым потоком и идеальным языком. Язык – это законы, по которым строится речь. Язык – явление идеальное.

Минимальной единицей речевого потока является слог, так как только он может быть произнесен отдельно. На уровне речи следует разграничивать звуки речи первого и второго рода. Звук речи первого рода – это любой конкретный звук, произнесенный определенным человеком в определенном момент. Звук речи второго рода – это типичный для каждого конкретного говорящего способ произнесения тех или иных звуков. Каждый вновь произнесенный отдельным говорящим звук [а] является особым звуком речи первого рода, в то же время все произносимые отдельным говорящим звуки [а] представляют собой один и тот же звук речи второго рода, так как эти звуки объединяет общность говорящего.

Многие лингвисты (П. С. Кузнецов, М. В. Панов, Л. Л. Касаткин) писали о необходимости введения такого понятия, как звук языка. Назначение звука языка – соединять звук речи с фонематическими единицами. Поэтому главная функция звука языка – перцептивная: его задача быть правильно соотношенным со звуком речи, который, с помощью звука языка, уже соотносится с определенной единицей уровня языка. Следовательно, перцептивную функцию следует относить именно к звуку языка. Звук языка – единица, располагающаяся на стыке языка и речи. Долгое время звук языка не воспринимался исследователями в качестве особой единицы: москвичи и пражцы видели в нем звук речи, ленинградцы принимали его за фонему, но ни те, ни другие не замечали в нем особой единицы.

Собственно фонология начинается с осознания смысло-различительной функции фонетических единиц (Л. В. Щерба). Имея сходные общие принципы, фонологи приходили к разным фонологическим решениям. Уже И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил о фонемах в разных смыслах: фоническом, морфологическом, этимологическом. В середине XX века многие фонологи обратились к построению многоуровневых фонологических систем (С. И. Бернштейн, Р. И. Аванесов, С. К. Шаумян, В. К. Журавлёв, М. В. Панов), хотя конкретные решения, к которым они приходили, сильно отличались друг от друга.

На фонологическом уровне (уровне языка) предлагается различать следующие единицы: дифференциаторы, синтагмо-фонемы (≈ пражские фонемы), парадигмо-фонемы (≈ московские фонемы), морфофонемы.

Дифференциаторы – это единицы, главное назначение которых быть отличными от других звуковых единиц. Дифференциаторы могут быть описаны с помощью коэффициента различительной силы. В слове [тот] согласные представляют собой разные дифференциаторы, так как в позиции перед [о] возможно 37 согласных, а в позиции конца слова – 23. Это различие может быть обозначено коэффициентом различительной силы: $1/_{T_{37}OT_{23}}$. Звуки языка и дифференциаторы находятся в непростых отношениях. Одному звуку языка может соответствовать несколько дифференциаторов.

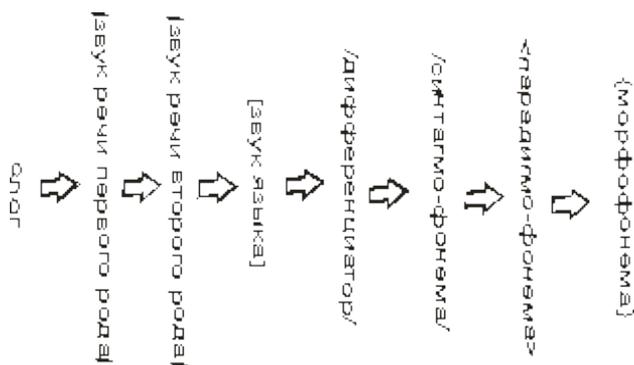
В словах *сад, нас, стать, спать, оставить, опспорить* имеют разные дифференциаторы, но один и тот же звук языка. Напротив, в словах *пат – спать – пятый – пять* имеем разные звуки языка, но один и тот же дифференциатор. В первом случае имеем материальное единство при функциональном различии, во втором – материальное расхождение при функциональном единстве.

Очень близка к дифференциатору другая единица – синтагмо-фонема. М. В. Панов, введший в научный оборот понятия дифференциатора и синтагмо-фонемы, считал их синонимичными терминами, однако эти единицы могут и должны быть разведены. Дифференциатор выделяется на основе показателя различительной силы, тогда как синтагмо-фонема – это единица, объединенная единством дифференциальных признаков. Именно с помощью этой единицы осуществляется объединение дифференциаторов. Синтагмо-фонема выявляет, с помощью каких средств (= признаков) осуществляется смысло-различительная функция. Поэтому дифференциаторы и синтагмо-фонемы дополняют друг друга: дифференциатор выражает внешние свойства единицы (сколько единиц противопоставлено в данной позиции), а синтагмо-фонема нацелена на свое собственное внутреннее строение (с помощью каких признаков осуществляется противопоставление). В слове [вада́] гласные являются разными дифференциаторами, так как обладают разной различительной силой: /ва́да́/, но одной и той же синтагмо-фонемой, так как объединены общностью дифференциального признака – нижний подъём.

Над уровнем синтагмо-фонем надстраивается уровень парадигмо-фонем, задача которых – отождествлять значимые единицы языка. В отличие от Панова, считавшего уровни синтагмо- и парадигмо-фонем независимыми друг от друга, полагаем, что эти уровни находятся в иерархических отношениях. Вариативность парадигмо-фонем зависит от: 1) фонетической позиции, 2) свойств самой единицы. Задача фонологии – объяснить изменение членов ряда, включенного в состав парадигмо-фонемы, исходя из признаков свойств синтагмо-фонемы. Именно эта процедура позволяет объединить эти единицы иерархическими отношениями.

Функция отождествления сближает парадигмо-фонему и морфофонему, но они призваны отождествлять значимые единицы разного уровня абстракции: морфофонема отождествляет собственно морфему, а парадигмо-фонема – морф. Вариативность морфофонемы зависит исключительно от грамматической позиции и не зависит от свойств самой единицы.

Предлагаемую иерархию звуковых единиц представляет следующая схема (ее «горизонтальный» характер обусловлен исключительно соображениями экономии).

Интонационно-звуковая организация рекламного фонотипа

Е. С. Стрельникова

Волгоградский государственный университет

Интонационно-звуковая организация, сегментный и суперсегментный уровни, произносительный стиль

Summary. The report deals with the interconnections between the units of language of different levels in advertising pronunciation style.

Реклама является объектом изучения очень многих наук. Большинство исследователей сходятся во мнении, что, несмотря на многообразие жанров рекламы, она характеризуется единством звукового оформления, но на сегодняшний день это явление не осмыслено как самостоятельный произносительный стиль. В имеющихся классификациях произносительных стилей русского языка рекламный фонотип выделяется на основании экстралингвистических факторов [1, 58–63], в то время как комплексное описание акустических параметров звучащей рекламы отсутствует.

Анализ расшифровок магнитофонных записей радиорекламы показал, что звучащие рекламные тексты оформлены с помощью особого произносительного стиля, характеризующегося специфическими средствами, важнейшим из которых является длительность.

Специфика реализации этого компонента проявляется в двух тенденциях, актуальных для звуковой организации рекламного текста. Первая из них связана с сокращением длительности ударных гласных, а вторая – с увеличением протяженности предударных и заударных гласных неоконечного слова в синтагме, что приводит к выравниванию ударного и первого предударного слога по длительности.

Проведенный анализ позволил установить также специфику звуковой организации конечного слова в рекламном тексте, а именно: при сохранении общей для радиорекламы тенденции к сокращению длительности ударных и увеличению длительности предударных гласных происходит сокращение протяженности заударных звуков конечного слова по сравнению с нормативными показателями. Таким образом, можно сделать вывод о существовании закономерности к выравниванию ударных и безударных звуков по длительности в конечном и неоконечном словах синтагмы, что, в свою очередь, позволяет говорить о модификации ритмической структуры слова в рекламном тексте, поскольку соотношение длительности ударных и безударных гласных здесь выглядит в виде пропорции 1 : 1 : 1.

Специфика интонационно-звуковой организации радиорекламы проявляется не только на сегментном, но и на суперсегментном уровнях. Специфика интонационной структуры рекламного текста проявляется в закономерностях отбора интонационно-звуковых средств, которые актуализируют воздействующую функцию в рекламном тексте.

Анализ членения речевого потока в рекламе показал, что для текстов радиорекламы и радиоспотов, наряду с общими закономерностями в синтагматическом членении рекламного текста (укрупнение синтагм в инициальной части рекламного текста и членение на более мелкие синтагмы в финальной части), характерны следующие особенности. По нашим наблюдениям, в рекламных текстах используется синтаксически обусловленное синтагматическое членение, характеризующееся совпадением границ интонационных и синтаксических единиц, что позволяет выделить такие содержательные компоненты текста, как название рекламируемого товара или услуги, признаки товара, новое качество жизни, контактная информация, которые, в свою очередь, являются частями смысловых моделей: (1) что – признаки товара / фирмы – где – когда – контактная информация и (2)

что – признаки товара / фирмы – контактная информация – новое качество жизни.

Своеобразие оформления выделенных информативных частей рекламного текста состоит и в симметричном соотношении длины минимальных речевых отрезков, которое может быть усилено и семантической симметрией.

Кроме того, особую роль в рекламном тексте играют синтагмы, состоящие из одного слова. Слова-синтагмы, являясь частью логической схемы, обозначают название товара или услуги, а также усиливают воздействие на слушающего. Они актуализированы с помощью увеличения длительности звуков всех типов: ударных, предударных и заударных.

Реализация воздействующей функции в звучащей рекламе проявляется и в выборе типов ИК. В текстах радиорекламы в неоконечных синтагмах частотны интонационные конструкции, оформленные по типу ИК-6, а в конечных преобладают ИК-1, ИК-2.

В неоконечных синтагмах радиоспотов наиболее частотными являются такие интонационные конструкции, как ИК-6, являющаяся нейтральной, ИК-3, создающая разговорный оттенок речи, ИК-2, выражающая эмоциональность и ИК-4, ИК-4 создающая официальный оттенок, что в целом создает разный стилистический эффект.

Установлено, что для звуковой организации текстов радиорекламы и радиоспотов актуально использование интонационных конструкций с основным центром в рамках синтагмы. Вместе с тем, к специфике ИК, характерных для рекламного текста, можно отнести и наличие вариантов с факультативными центрами. Как показал анализ, основные и факультативные центры ИК оказываются также маркированными увеличением протяженности длительности безударных звуков, при нормативной длительности ударных.

Реализации воздействующей функции в рекламных текстах служит и такое интонационное средство, как пауза. Тексты звучащей рекламы обоих жанров характеризуются наличием четких межсинтагменных пауз, которые служат для маркирования границ синтагм в звучащем тексте, что позволяет разграничить логические части высказывания. Появление внутрисинтагменных пауз в текстах звучащей рекламы также связано с проявлением функции воздействия в радиорекламе, поскольку наиболее частотными в радиорекламе и радиоспотах являются дикторские паузы, которые находятся перед информативно значимыми словами в синтагме и перед новыми иностранными именами и названиями.

Кроме того, анализ показал, что при оформлении радиоспотов, наряду с дикторскими паузами, частотны паузы хезитации, которые служат для имитации спонтанно произнесенного текста.

Итак, проведенное комплексное изучение речевого строя радиорекламы позволило установить, что тексты звучащей рекламы оформлены с помощью особого произносительного стиля, маркером которого является длительность.

Литература

1. Прохвятилова О. А. К вопросу о фонотипической парадигме русской звучащей речи // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языковедение. Вып. 2. Волгоград, 2002.

Узаконить букву Ёё на письме и в печати – неотложная задача сохранения русского языка

В. Т. Чумаков

Редакция журнала «Народное образование», Союз писателей России, Межведомственная комиссия по русскому языку

Печатать букву Ёё обязательно, Союз ёфикаторов

Summary. Time has come to put an end to the ludicrous situation when a legitimate letter of the Russian alphabet – Ёё, which is often indispensable and instrumental in discriminating word meanings, is regarded as optional, facultative. It is necessary that in 2007, the year of the Russian language in the world, the Government of the Russian Federation should adopt a resolution declaring usage of the letter Ёё mandatory.

Настало время преодолеть абсолютно абсурдную ситуацию, когда законная (легитимная) буква русского алфавита,

а часто и незаменимая смысловоразличительная литера в тексте – Ёё, считается необязательной, факультативной. Легко

представить возмущение испанцев, увидевших написанное без тильды название их страны ESPAÑA или французов, заметивших без трема слова: CITROËN, NOËL или MOËT. Возмутятся и шведы, если увидят GÖTEBORG без умляута **Оо**. Лишь мы русские, невзирая на насмешки иностранцев, легко воспринимаем *Кремлёвский театр, город Орёл, Пушкин – наше всё* и «*Всё врёт календари*», «*Королёвская лыжня*» (традиционные лыжные гонки в г. Королёве), *Сегодня Москва передохнет от дождей* (из отчёта Гидрометеоцентра) и даже фамилии бывших правителей страны: *Хрущёв, Горбачёв* (так их звали за рубежом). Неужели мы народ, достойный лишь такой вот сомнительной национальной спецификации?

Давайте сделаем всё от нас зависящее, чтобы декларировать введение самой молодой и ударной буквы **Ёё** в обязательное применение в 2007 году – то есть в Год русского языка в мире.

Мы отдаём себе отчёт, что письменная речь – весьма консервативная сфера языка и потребуются время на освоение и привыкание печатать и писать букву **Ёё** абсолютно регулярно. Однако не нужно забывать, что мы все родом из детства, а тогда, до четвертого класса, **ёлка, ёжик, ребёнок, слонёнок, Алёнка, Алёша** обязательно были с буквой **Ёё**. Как показал опыт журналов «Народное образование», «Вестник РАН», «Бухгалтерия и банки»; газет «Литературная газета», «АиФ», «Литература», «Версия» и многих-многих других на привыкание редакторов и корректоров отслеживать пропуски этой буквы уходит 3–5 месяцев. Причём не требуется никакой учёбы, особого инструктажа и т. п. Только воля первого руководителя, контроль и самоконтроль в течение полугода приводят к тому, что даже самые «убеждённые» противники вдруг прозревают и им кажется странным, почему они были против, потому что читать тексты с тотально уничтоженной **Ёё** – это, конечно, мучительно дискомфортное занятие.

И ещё: давайте объявим мораторий лет на пять – не считать ошибкой пропуск точек над **Ёё** в школьных сочинениях и в работах на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения.

Обратим внимание на то, что объём работы по ёфикации текстов, в которых отсутствует буква **Ёё**, относительно невелик. Исследования члена президиума Союза ёфикаторов Леонида Беленького (создателя сайта yomakeg.narod.ru, тел. р. (495) 684-27-80), по статистике встречаемости русских букв в различных текстах, например, в книгах Михаила Кречмара «Мохнатый бог» (735 712 зн.), «Книга путешественника» (1 087 749 зн.); Алексея Меняйлова «Подноготная любви» (1 318 962 зн.), «Понтий Пилат» (1 166 857 зн.); трёх журналам «Практический бухгалтерский учёт» 2005 г. (918 525 зн.), – встречаемость буквы **Ёё** соответственно в %: 0,460, 0,485, 0,492, 0,464, 0,491. А проще говоря, – это менее одного раза на 200 знаков.

В последние пять лет энтузиастами ёфикации созданы компьютерные программы расстановки буквы **Ёё**, а последняя на основании «Словаря употребления буквы **Ёё**» из книги: Чумаков В. Т. Вместо **ё** печатать **е** – ошибка! М., 2005, в которой собрано 12 500 слов. Программа расставляет буквы **Ёё** в безальтернативных случаях, например, в словах: *её, неё, твоё, ребёнок, учёный, котёнок, ушёл, жуёт, ёмкость, четвертый, щёлочка* и т. п. Программа «спрашивает», как поступить в случаях: *передохнем, сует, все, лен, мед, фен, узнает, летом, совершенный, небо* и т. п. Программа не поставит **Ёё** в словах *афера, гренадер, бытие*. Программа расставляет **Ёё** в именах собственных (антропонимах и топонимах) с запросом подтверждения. Расстановка буквы **Ёё** в текстах XVIII–XIX вв. возможна лишь при участии специалистов, а в сомнительных случаях по этим текстам предпочтительнее **Ёё** не ставить.

Научное обоснование необходимости буквы **Ёё** в системе графики русского языка сделано выдающимися деятелями культуры: кн. Е. Р. Дашковой, Н. М. Карамзиным, Д. Н. Ушаковым, Л. В. Щербой, С. И. Ожеговым, А. А. Реформатским, Н. Ю. Шведовой, А. И. Солженицыным и другими. Эту букву в своих произведениях печатали И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. И. Козлов, Ф. И. Тютчев, И. И. Лажечников, В. К. Кюхельбекер, И. С. Тургенев, гр. Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов и многие другие.

В связи с бурным развитием типографской деятельности в конце XIX в. буква **Ёё**, к сожалению, стала постепенно вытесняться из текстов похожей внешне, но совершенно другой буквой **Ее**. Эта традиция имела своё экономическое обоснование: наличие буквы **Ёё** вызывало при литерном или литотипном наборе лишние материальные затраты. Однако уже лет 15 тому назад эти времена безвозвратно прошли, и сейчас наличие в тексте буквы **Ёё** при компьютерном наборе и вёрстке любым кеглем и гарнитурой к удорожанию печати не ведёт.

Ныне буква **Ёё** содержится в более чем 12 500 словах, в не менее чем 2500 фамилиях граждан России и бывшего СССР, в тысячах географических названий мира и в тысячах имён и фамилий граждан зарубежных государств.

Присутствие в тексте буквы **Ёё** во всех словах, в которых она есть в словарях, облегчает, а стало быть, ускоряет чтение. Напечатанное и прочитанное мгновенно становятся адекватными. Это приводит и к существенной экономии времени. В случае с антропонимами и топонимами пренебрежение буквой **Ёё** чревато появлением ошибок, юридических казусов и других нелепостей.

У российских граждан возникают проблемы с документами, если в их фамилии, имени, месте рождения в одних случаях буква **Ёё** указана, а в других нет. Проблемы возникают при заполнении паспортов, свидетельств о рождении, оформлении наследства, транслитерации фамилий, топонимов, передаче телеграмм и в ряде других случаев.

Вопрос: печатать или не печатать букву **Ёё**, вводить или не вводить её в документооборот государства, в его законодательные акты, в печать, школу, средства массовой информации и т. п. – должно быть безальтернативным требованием соблюдения дисциплины и порядка в государстве.

Это вопрос юридической чёткости и однозначности написанного, прочитанного и понятого.

Это проявление уважения к человеку любой национальности, носителю или не носителю русского языка, получающему документы государственного образца или читающему текст на русском языке.

Это вопрос защиты прав человека.

Государственный документ, как и документ, выданный государственным органом гражданину, изданный с последовательным употреблением буквы **Ёё**, орфографически безупречен и с этой точки зрения его критика невозможна. В противном случае документ становится объектом критики и насмешек, от которых нет защиты, потому что налицо **факт, что вместо седьмой буквы азбуки Ёё напечатана совсем другая – шестая буква – Ее**. К тому же часто искажается смысл (семантика) написанного.

Наш государственный – русский язык (его речь и графическое оформление) – является одним из важнейших приоритетов Державы.

Защита русского языка – это не терпящий никаких компромиссов политический вопрос.

История России свидетельствует, что вопросы реформ орфографии занимались первые лица государства. Пётр I в 1708–1710 гг.; по поручению Николая II вел. кн. Константин в 1904–1914 гг.; по заданию кн. Г. Е. Львова А. А. Мануйлов в мае 1917 г.; по поручению В. И. Ленина Я. М. Свердлов в декабре 1917 и в 1918 г.; И. В. Сталин в 30–40-е годы.

Вношу следующее предложение.

Третий Международный конгресс русистов обращается к Президенту России В. В. Путину за поддержкой и Председателю Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкову с просьбой принять в 2007 году Постановление Правительства о введении буквы **Ёё** в обязательное применение на письме и в печати в системе образования, науки, культуры, в документах Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, министерств и ведомств, в издании печатной продукции, рекламы и т. п. на всей территории Российской Федерации и предусмотреть меры ответственности за нарушение этой нормы. Установить срок адаптации 6 месяцев. При этом целесообразно ввести пятилетний мораторий на снижение оценок за пропуск точек в букве **Ёё** в школьных сочинениях и экзаменационных работах при поступлении в высшие учебные заведения.

Дистрибуция гласных разного подъема в первом предупредном слоге при диссимильативном яканье*

Е. В. Шаульский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Фонетика, русские говоры, диссимильативное яканье, звукотип

В русских говорах с диссимильативным яканьем в первом предупредном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема могут произноситься гласные разного подъема – от [а] до [и]. Множество этих звуков принято обобщать в два противопоставленных друг другу звукотипа – [а] и не-[а], распределенных в зависимости от гласного ударного слога, причем качественно гласный не-[а] может быть любым звуком переднего ряда ненижнего подъема, в т. ч. [е], [и] [1, 154]. [а] в этих говорах произносится перед ударными гласными, которые мы называем функционально краткими¹, не-[а] – перед функционально долгими. Разные типы яканья с таким противопоставлением звукотипов первого предупредного слога многократно и подробно описаны в диалектологической литературе.

Имеются, однако, свидетельства и о другой дистрибуции гласных первого предупредного слога в якающих говорах: перед функционально долгими звучит [и], а перед функционально краткими может выступать любой гласный звук неверхнего подъема, в т. ч. [а], [е]. Впервые такое противопоставление описал О. Брок [1916], возможное функциональное тождество гласных первого предупредного слога [а] и [е] при диссимильативном яканье архаического типа отмечала также К. Ф. Захарова [3, 32, 52]; говоры с подобной дистрибуцией описывал и Л. Л. Касаткин [4, 441–442], он же предложил называть звукотипы, в которые обобщаются гласные первого предупредного слога в этих говорах, [и] и не-[и] [5, 148]. О возможности произношения [е] наряду с [а] в первом предупредном слоге при диссимильативном яканье свидетельствуют и наши наблюдения: в частности, в ноябре 2006 г. нами (совместно с И. И. Исаевым и Е. В. Калугиной) был обследован говор д. Лихунино Клепиковского р-на Рязанской обл. с ассимильативно-диссимильативным яканьем култуковского типа, в котором наблюдается именно такое распределение. Примеры произношения не-[и] перед ударными (и у ъ о а): *п'ир'в'ал'и, кър'анни'ја, прин'асут, т'аплѡ, ч'алѡ, с'в'акрѡву, з'емл'ѡј, б'ал'ѡ, с'ес'т'ѡр, н'емнѡшкѡ, н'агѡднај, н'е знѡју, н'едѡвнѡ, пѡм'арлѡ, с'т'ас'н'ѡис'с'и*; примеры произношения [и] перед ударными (ѣ е): *в'ирт'ѣт', нѣ с'иб'ѣ, к р'ик'ѣ, т'ир'ѣб'ут, н'и с'т'ѣл'у, м'ит'ѣл'ица* (информант К. А. Антонова, 1925 г. р.).

Таким образом, судя по приведенным данным, в современных говорах наблюдается два типа дистрибуции гласных первого предупредного слога при диссимильативном яканье в зависимости от того, каким образом эти звуки обобщаются в звукотипы: 1) [а] vs. не-[а]; 2) [и] vs. не-[и]. Типоло-

гия моделей диссимильативного вокализма основана на положении линии фонологизации, т. е. распределении ударных гласных на функционально долгие и функционально краткие: по положению линии фонологизации выделяются «прямые» (жиздринский, архаический, донской) и «косые» типы (дмитриевский, суджанский, мосальский, шигровский). Тип дистрибуции гласных первого предупредного слога также может быть, наряду с положением линии фонологизации, дифференциальным признаком моделей диссимильативного вокализма. Можно метонимически называть модели с противопоставлением [а] и не-[а] «широкими», а с противопоставлением [и] и не-[и] – «узкими» типами вокализма.

При формировании различных моделей диссимильативного аканья коартикуляционная фонетическая закономерность количественного соотношения гласных просодического ядра слова, характеризующая так называемое протодиссимильативное аканье (возникшее из недиссимильативного), была различными способами фонологизирована в разных говорах, т. е. установлена линия фонологизации [6]. Помимо этого, в процессе фонологизации должно было, видимо, сформироваться и противопоставление звукотипов первого предупредного слога: либо с опорой на узкий краткий гласный [и] (тогда формировался «узкий» диссимильативный тип), либо с опорой на широкий долгий гласный [а] (геср. «широкий» тип). При этом гласный среднего подъема [е] функционально приравнивался либо к краткому [и], либо к долговому [а]. Таким образом, при формировании фонологизированной диссимильативной зависимости как ударные, так и предупредные гласные среднего подъема отходили либо к долгим, либо к кратким, причем делали это независимо друг от друга.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
2. Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916.
3. Захарова К. Ф. Архаические типы диссимильативного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959. С. 6–55.
4. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
5. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
6. Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимильативного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13) (в печати).

* Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного РФФИ и Нидерландской организацией по научным исследованиям (NWO), грант № 047.011.2005.017.

¹ См. [6]; см. там же об употребляемых нами в данной статье терминах линия фонологизации, «прямые» и «косые» типы вокализма, протодиссимильативное аканье.